

Александр Евгеньевич Сухов
Пламенный Путь
Серия «Меж мирами скользящий», книга 3

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=633265
Пламенный Путь: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-50377-3

Аннотация

Над Землею нависла угроза инопланетного вторжения. Предотвратить его может вмешательство тайного братства Посвященных, которые готовы объединиться со своими коллегами – могущественными магами Междумирья. Судьба Земли и других миров в руках Верховного Владыки магов Закарии Бен Варнавы. Долгие тысячелетия находится Закария у власти, и потеря ее для него страшнее угрозы извне. Ради собственного спасения Верховный Владыка готов на любые меры, вплоть до нанесения превентивного ядерного удара, что приведет к многочисленным жертвам среди мирного населения. Чтобы спасти планету, рядовые маги вступают в заговор, но им нелегко добраться до Бен Варнавы, который надежно укрылся в недрах Антарктиды, под охраной своих любимцев – эсэсовских недобитков Третьего рейха!

Содержание

Пролог	4
Глава 1	17
Глава 2	31
Глава 3	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Александр Сухов

Пламенный Путь

*Но мы идем вслепую в странных местах,
И все, что есть у нас, – это радость и страх,
Страх, что мы хуже, чем можем,
И радость того, что все в надежных руках...*

Борис Гребенников

Пролог

Малогабаритная кухонька хрущевской двушки-распашонки, обстановка, мягко выражаясь, оставляла желать лучшего. Три колченогих табурета, складной стол с изрядно обшарпанной столешницей – вот и вся нехитрая мебель. Оклеенные цветастой клеенкой стены, основательно забрызганные чем-то бурым и сизым. Весь в желтых разводах, давно не беленый потолок. Застеленный потрескавшимся линолеумом пол на треть заставлен пустой винной тарой, остальное пространство загажено картофельными очистками, сигаретными и папиросными бычками и еще много чем, не поддающимся описанию. Из густо покрытого окислами неисправного кухонного крана льется тонюсенькая рыжеватая струйка и, ударившись в закопченный бок алюминиевой кастрюли, теряется в завалах немытой посуды. На газовой плите бурлит и негодует давно вскипевший чайник. За грязными стеклами кухонного окна завывает вьюга, снежные заряды то и дело молотят по стеклу. Уличные фонари разбиты революционно настроенными народными массами, непроглядную ночную темень разгоняет льющийся из окон жилых квартир свет. На дворе очередная политическая оттепель под названием Перестройка.

За столом двое: женщина в засаленном домашнем халате и тапочках, еще не старая, но довольно потрепанная, и интеллигентного вида пожилой мужчина в очках. На нем серый костюм классического покроя, слегка помятая синяя полосатая рубаша и серый в полоску галстук, на ногах валенки с калошами. Оба, мягко выражаясь, в нетрезвом состоянии. На столе початая поллитровка с какой-то мутной субстанцией, а рядом еще одна – полная. В суповой тарелке порезанные с полкило зельца, с полбуханки черного хлеба и головка лука. Перед тарелкой, прямо на столешнице, горка шоколадных конфет «Аленушка» производства московской фабрики «Красный Октябрь».

– Все-таки козлина этот Меченый! – отправляя прямо на пол докуренную до бумажной гильзы беломорину, воскликнула в сердцах дама. – Своих партийцев дрючь, как твоей душе угодно, на то оне и партийцы – комуняки, значица, а нас, простой народ, не замай! Ишь чего удумал, сволочь, сухой закон! Вот же падла говорливая! Послушать, так везде у него «процесс пошел», а на поверку... – Женщина затянула немелодично: – Тиха-а в лесу, тока не спя-ять дрозды, завтра дрозды получать... – Прервав песню на самом интересном месте, она посмотрела на задумавшегося о чем-то собутыльника. – Митрич, ты чего это размечтавшись? А ну-ка не сачкуй, наливай! Седни у нас с тобой эвон какой замечательный улов: штук сто «чебурашек» и полста водочных пузырей. Жаль, из-под шампанского перестали принимать. Все равно, считай, пятнарик заработали. Завтрева оттащим и сдадим оптом Зинаиде, будет на что опохмелиться. Пятнадцать рублей, – благоговейно повторила она, возведя очи к потолку, затем вновь воззрилась на собутыльника и не без язвинки в голосе спросила: –

Вот скажи-ка мне, Митрич, много ты зарабатывал на своих бабочках в своем университете, энтомолаг несчастный?

Вопрос вывел мужчину из ступора. Он сосредоточил взгляд своих водянистых глаз на собеседнице и, покачивая головой, отвечал:

– Вы, Варвара Павловна, зря ехидничаете. Мы, энтомологи, великую пользу государству приносим. Без нас и урожая бы никакого не было. А что касается вашего покорного слуги, уважаемая, так меня еще пять лет назад звали в Йельский университет, прочитать курс лекций по прямокрылым...

– Ага, зерно в Канаде покупаем, а свое моль съедает, зато по полной программе получаем лапшу на уши кажинный раз про знатных комбайнеров, урожай без потерь и закрома Родины. А где они, эти закрома, коль водку уже не из чего делать и ваще на прилавках шаром покати – жрать нечего?! Все Горбач проклятый профукал. Похоже, капиталюги хорошо ему отстегнули, эвон Райка в каких одежках щеголяет! – не сдержала праведного гнева Варвара Павловна. Затем примирительно сказала: – Ладно, Митрич, не ерепенься и не лезь в бутылку, а свою байку про то, как тебя хотели в Америку забрать, расскажешь кому-нибудь еще. Прохвессор ты наш! Луче наливай-ка по граммулке. Оно хоть и поганая самогня у Кузьмовны, но ничего крепше «буратины» или крем-содовой нонече окрест не сыскать.

После того как мужчина выполнил просьбу дамы, оба подняли стаканы, чокнулись и дружно влили в закаленные глотки мутное пойло.

– У-у-х!.. Крепка советская власть! – поднося к носу ржаную корочку, громко воскликнул Митрич, затем отправил ее в рот и потеплевшим взором посмотрел на Варвару Павловну. – Вы, дорогая моя благодетельница, не думайте, ничего такого, Это я сейчас «несоответственный общественный элемент». Было время...

– Да слышали ужо, – беззаботно махнула рукой женщина. – Давай-ка, Митрич, лучше споем нашу. – И, не дожидаясь согласия приятеля, громко затянула: – Ох, и напи-и-лася я пьяна, ох не дойду-у я до дому-у, завела меня тропка дальняя до вишневого саду-у...

Вслед за ней и Митрич подхватил:

– Там кукушка кукует, мое сердце волнует. Ты скажи-ка мне, Расскажи-ка мне, где мой милый ночует?

Далее они продолжили уже с разложением на два голоса:

– Если он при дороге, помоги ему боже. Если с любушкой на постелюшке, накажи его боже...

Закончили дружно, ладно и очень громко, аж посуда на полке зазвенела:

– Если б раньше я знала, что так замужем плохо, расплела бы я русу косоньку да сидела бы дома.

После того как последний аккорд отгремел, женщина в творческом запале саданула по столу кулачком и разрыдалась в голос.

По всей видимости, подобная реакция была вполне ожидаемой, поскольку мужчина не посчитал нужным начать успокаивать ее, а, расплескав по стаканам остатки из бутылки, пафосно провозгласил:

– А не выпить ли нам с вами, многоуважаемая Варвара Павловна, за любовь?

Женщина не успела ответить, как из соседней комнаты послышалось требовательное младенческое бормотание.

– Вот же лярва эта Людка! – грозно прорычала она и, не стесняясь в выражениях, пояснила свою мысль: – Сучка блудливая, безотказная давалка! Как перепихиваться с кажинным первым встречным, так она, а как деток нянчить, так, значить, бабка. Дождется тварюга, выгоню вместе с ейным ублюдком на мороз, чтоб неповадно было! Пушай себе катится к тому, от кого залетела!

– Полноте, Варвара Павловна! – неуклюже замахал руками собутыльник. – Вы же добрейшей души человек и неспособны выгнать дочь на мороз, да еще с малым дитем.

– Ладно, Митрич, – вымученно улыбнулась женщина, – наливай из чайника в ковшик, добавь туда холодной водицы да бутылочку с подоконника поставь. А я покамест проглота перепеленаю.

Мужчина со знанием дела бросился выполнять полученный приказ, а дама удалилась из кухни. Вскоре до его ушей донеслись громкие восторженные возгласы и младенческий плач:

– Выспался, милой! Какие мы сердитые! Щас, погоди чутка, баушка подгузничек заменит! Фу!.. А навалил-то, навалил! Придется подмывать попку-то, благо горячую воду подают справно.

С ребеночком на руках она протопала в ванную. Зашумело в смесительном кране, затем послышались восторженные гуканья, характерный шум бьющей в дно чугунной ванны водяной струи и звук разлетающихся в разные стороны брызг.

Вскоре перепеленатый трехмесячный младенец был торжественно доставлен на кухню. К тому времени заботливый Митрич успел хорошенько подогреть детскую молочную смесь. Варвара на всякий случай брызнула несколько капель себе на запястье, дабы убедиться в том, что еда для мальчика не перегрета.

– Кушай, Аристарх, мой родненький, – запихивая резиновый сосок в рот ребенку, плаксивым голосом проямлила женщина. – При родной-то матери сиротинушка-а-а...

– Да успокойтесь вы, дорогая моя соседushка. – Митрич укоризненно посмотрел на товарку. – Дети – наше счастье и наше будущее. Как же без них, родимых. А у вас настоящий богатырь, эвон как из бутылочки уписывает.

– Своих бы завел, – уже более добродушно огрызнулась женщина, – тада бы знал, каково это – нянчиться с младенцем. Оне ж ведь не мы с тобой – на корке хлеба да на рюмке самогона хошь целый день можем продержаться. Ему разов по шесть-семь на дню пожрать-попить подай, да отмой от какашек, да пеленки и подгузники поменяй, да постирай... и ежели при этом его родную мамку все время носит незнамо где – впору в петлю голову сунуть. Я ж не девочка младая, свое отмучилась – эвон какую коровищу вырастила, одна, без мужика. А толку-то, никаких благодарностей.

– Все равно, – не унимался сосед, – дети – счастье, а внуки, наверное, счастье вдвойне. К сожалению, нам с покойницей Татьяной Спиридоновной бог деток не дал: больно субтильная она у меня была – два выкидыша, а потом врачи ей и вовсе рожать запретили, мол, для жизни опасно. А теперь, – старик пустил пьяную слезу, – ей уже ничего не опасно – лежит себе в холодной могилке...

– Ты, Митрич, не раскисай тока! – Варвара поспешила успокоить павшего духом компаньона. – Давай-ка лучше тяпнем по граммуле, а то выпивка выдохнется. – И, скосив глаза на усердно прильнувшего к бутылочке младенца, добродушно молвила: – Вон как уписывает, ажно глазенки выпучил – торопится. Малой, а уже понимает, что могут отнять, потому и спешит. – Затем она взяла со стола стакан и, взглянув на приунывшего Митрича, провозгласила: – Давай, сосед, за мир во всем мире и чтоб войны не было, и чтобы всем на земле щастье было, а нам с тобой – особенное. А самое главное, чтоб моя единственная дочурка Людочка взялась за ум и наконец-то занялась воспитанием своо ребятеночка, мово внука, значить.

Бывший энтомолог возражений не имел, и оба дружно выпили. Варвара затянула было разухабистое «Ой, ой, в глазах туман, кружится голова!», но в это время противно скрипнула входная дверь, и в прихожей тускло вспыхнула подвешенная к потолку лампочка-сороковка.

– А вот и Людочка пришла, – пьяным голосом констатировал профессор.

– Явилась не запылилась, блудница драная! – зло прошипела Варвара.

Наконец, избавившись от верхней одежды, на кухню завалила и сама Людмила, весьма эффектная на лицо и фигуру молодая женщина.

– Уси-пуси, мой маленький! – первым делом она полезла к сыну, с тем чтобы чмокнуть сосущего из бутылочки младенца в маковку.

– Изыди, лярва! – грозно зыркнула на нее мать. – Ребятенка застудишь!

– Здравствуйте, Варфоломей Дмитриевич! – Людмила плюхнулась на табурет рядом с соседом. – Смотрю, у вас тут праздник. Что отмечаем?

– День Граненого Стакана, – вместо Митрича ответствовала Варвара Павловна. – А что? Имеем право, поскольку трудящиеся пенсионеры. Не в пример некоторым, – мать многозначительно посмотрела на дочь, – задами перед мужиками не виляем, а подрабатываем как можем, чтобы прокормить некоторых лодырей в юбке.

– Ну, мама, ты и сказанула! – потешно выпучила глаза дочь. – Это как же Варфоломей Дмитриевич, по-твоему, будет перед мужиками задом вилять? Он же у нас вполне нормальный мужчина, не в пример некоторым.

– Тварь языкастая! – тут же завелась с пол-оборота Варвара. – Да я в твои годы!..

– Дамы, дамы! – не позволил разгореться пожару междоусобной свары Митрич. – Давайте-ка лучше выпьем за любовь и дружбу, за улыбки милых, за сердечность встреч, так сказать.

– А чо, – хищно ухмыльнулась Людмила, – за любовь и дружбу я завсегда готова. Наливайте, Варфоломей Дмитриевич.

Варвара Павловна, в свою очередь, также не стала возражать, поскольку хоть и была по своей натуре дамой вспыльчивой, но отходила столь же быстро, как закипала.

Митрич откупорил бутылку, сноровисто накатил в три стакана граммов по пятьдесят и задорно провозгласил в дополнение к уже произнесенному тосту:

– Поднимем бокалы, содвинем их разом, да здравствуют музы, да здравствует разум!

Подняли, содвинули и, зажмурившись, одним глотком влили в себя огненную жидкость. Скуксившись от мерзкого сивушного привкуса пойла, дружно потянулись к хлебу и зельцу.

Между тем младенец выдул до последней капли молочную смесь из бутылочки, радостно загукал и потянулся ручонками к матери. Людмила громко засюсюкала и подхватила сына на руки и вдруг, горько расплакавшись, запричитала:

– Аристусик мой ненаглядный, как же я без тебя жить-то буду?! А тебе без матушки родной каково придется?..

– Ты чего это, девка, удумала?! – Варвара, несмотря на принятую внутрь приличную дозу алкоголя, не потеряла связи с реальным миром. – Куда это намылилась?!

– Не намылилась, маменька, замуж выхожу, – гордо вскинув голову, заявила во всеуслышание Людмила.

– Это кто ж у нас на такую принцессу позарился? – с ехидцей в голосе поинтересовалась мать. – Какому дураку счастье такое выпало? И при чем тут мой внук?

– А при том, мама, что Джон сделал мне предложение. Как только мы официально вступим в брак, он улетает в Америку, ну и меня забирает, как свою законную супругу. Ар ю андестенд?

– Иесс, оф коз. – Митрич вышел из хмельного транса и невпопад продолжил: – Ту би ор нот ту би... бедный Йорик, я знал его, Горацио...

– Да погодь ты, старый дурень, анихею нести! – рявкнула на соседа Варвара и, с подозрением воззрившись на дочь, спросила: – Это какой же такой Джон?

– Джон Макмиллан из Калифорнии – это штат у них такой в Америке, у него там крупная ферма, и вообще, мой Джончик – самый настоящий капиталист, миллионер, между про-

чим. Влюбился в меня без памяти, «Людмила, – грит, – выходи за меня замуж, и мы с тобой уедем из этой ужасной Сибирь в мой родной Калафорния».

– В Калифорнии хорошо, – вновь проявил эрудицию бывший энтомолог, – там лето круглый год, апельсины растут, бабочки всякие, паучки...

– Ну вот и отлично, – мгновенно сориентировалась Варвара, – каждый день ребенку витамины будешь давать. Мы-то этих апельсинов и прочих фруктов раз в год видим.

– ... и океан там Тихий, – продолжал бормотать себе под нос мужчина.

– Что Тихий, это здорово, – одобрила Варвара, – хуже, когда Ледовитый или еще какой другой северный. – Затем, покачивая головой, уважительно посмотрела на дочь, мол, не ожидала от эдакой дурицы столь мудрого поступка. – И где ж ты своего американца захомотала?

– Джон дипломат, какой-то там атташе в американском посольстве, а в Новосибирске в командировке, чей-то изучает, грит, социологией занимается или чем-то там еще.

– А вдруг, доча, он шпион? – мать со страхом уставилась на Людмилу. – Сколь себя помню, а иностранцев в наш город не очень-то и пускают.

– Да брось, мама! – беззаботно махнула ладошкой дочь. – Перестройка на дворе, а ты заладила: «шпион». А по мне хотя бы и шпион, лишь бы увез отсюда куда подальше. Надоело среди быдла неотесанного. Красивой жизни хочу.

– Ну что ж, – радостно заулыбалась Варвара, – выходи замуж, доча, увезет он тебя в свою Америку, и тебе с дитем хорошо, и мне послабление: на старости лет не тащить вас двоих.

На что Людмила потупила очи и со смущением в голосе проговорила:

– Понимаешь, мама, Джон очень религиозный человек и не поймет, если я скажу ему, что у меня есть нагулянный ребенок. То есть, если бы Аристарх был рожден в законном браке, проблемы бы не было, а так, если он что-то узнает, тут же откажется жениться, несмотря на всю свою горячую любовь ко мне. Короче, мамочка, мой будущий супруг не должен ничего заподозрить. Поэтому мой сын и твой внук останется здесь, а уж я из Америки о вас непременно позабочусь: деньги буду высылать, вещи и все, что вашей душе будет угодно. А со временем повинюсь перед мужем и тебя с мальчиком заберу в Калифорнию, а если Варфоломей Дмитриевич захочет, так и его с собой прихватим. А чего? Оформите с ним законный брак и айда в Америку к дочери с зятем! Ох и заживем мы тогда все вместе, на берегу Тихого океана, среди апельсиновых куш и бабочек!

Смысл слов дочери не сразу дошел до сознания Варвары Павловны. Какое-то время женщина переваривала услышанное, а когда наконец переварила, возмущению ее не было предела:

– Ну ты и тварь, Людка! Сука! Гадюка подколотная! Гля, Митрич, какую стерву уродила да выпестовала. Теперича, значить, она с милым дружком в Америку, а дитя на мою шею посадить. Хочет, чтобы я тут сдохла! Так, доченька?.. Не, не дождеся, шалава похотливая! Она, значить, со своим хахалем там в Америках красивой жизнью заживут, а бабке в говне по уши ходи!

– Но, мама, я же сказала, что буду присылать вам деньги и всякие вещи, – Людмила попыталась утихомирить не на шутку разбушевавшуюся мать. – И вообще, через пару годков заберу вас к себе...

Неожиданно женщина успокоилась, потянулась к бутылке, накатила с четверть стакана и махнула залпом. Затем с ехидной ухмылкой посмотрела на дочь.

– Короче, Людочка, коль замуж собралась, либо забирай мальчика с собой, либо... сдай его в приют, а на меня не надейся. Нету у меня ни силов, ни желания с им заниматься. У мамы, может быть, личная жизнь только начинается. С Митричем за зиму на таре подзаработаем, а летом в Крым махнем. Глядишь, хоть перед смертушкой на море взгляну. Я ведь,

родимая, почитай всю жизнь горбатила, сначала на твоего отца-алкаша, потом на тебя. Теперь хочу хоть немного для себя пожить. Правильно, Митрич?

Энтомолог устремил ословелый взгляд куда-то мимо соседки и пробормотал что-то маловразумительное:

– Майн либер фрау Варвара, метхен Людмила, же ву при пардон... ке дьябль... – Выдав означенную тираду, он набрал полные легкие воздуха и громко запел: – Америка, Америка, Год шед хиз грейс он фи... – Вполне вероятно, Элвис Пресли в этот момент перевернулся в гробу, настолько неблагозвучным было исполнение популярной песни. Но вскоре пожилой профессор выдохся, не допев до конца фразу о янтарных волнах на колоссящихся полях великой Америки, уронил голову на грудь и уставился тупо на кончики носков своих калош.

– Вот видишь, доченька, как жена умерла, совсем человек голову потерял, – Варвара Павловна с любовью и нежностью посмотрела на основательно окосевшего Митрича. – Хороший мужик, как сюда переехали, все сохла по ему, даже при живой-то супружнице соблазнить пыталась. А теперь нешто упущу свое счастье? Пойми меня правильно, дочка, у меня, может быть, жизнь токо начинается, а ты мне дитя сбегать хошь. Нет уж, родимая, завтра же отнесешь его в приют, а мы тут с Митричем будем навещать его, подарки от тебя таскать. А Господь даст, мальчика в какую приличную семью возьмут – все лучше, чем по приютам да детским домам.

Людмила ничего не ответила, лишь надулась, крепко обидевшись на мать. А на следующее утро отнесла сына в ближайший сиротский приют и подписала все необходимые бумаги, подтверждающие ее отказ от родительских прав. Через неделю комфортабельный автобус уносил непутевую мать и ее законного супруга прочь из СССР в далекую волшебную страну под названием Америка.

Варвара Павловна и Варфоломей Дмитриевич так и не совершили задуманного путешествия к морю. Примерно через месяц после отбытия дочери, холодной и темной январской ночью, парочка возвращалась с бутылочного промысла в изрядном подпитии, да так и не дошла до дому. Оба замерзли, бедолаги, в десяти шагах от своего подъезда. Их похоронили за казенный счет на городском кладбище в соседних могилах.

Жестокосердная Людмила восприняла весть о смерти матери равнодушно и на похороны явиться не соизволила.

Истинное положение вещей от мальчика утаили во избежание психологической травмы. Когда он подрос, ему сообщили, что его подбросили к дверям приюта в коробке из-под цветного телевизора «Горизонт-Ц240». Последним обстоятельством Аристарх какое-то время особенно гордился, даже марку телевизора запомнил на всю жизнь.

* * *

– Аристарх, а ты какую маму себе хочешь? – большеглазая девочка восьми лет с двумя косичками в разные стороны серьезно посмотрела на сидящего рядом с ней на подоконнике десятилетнего мальчика.

– Маленькая ты еще, Дашка, и не понимаешь многого, – печально улыбнулся Аристарх. – Никому-то мы с тобой не нужны. Отсюда, если до пяти лет не забрали, потом вообще не возьмут, и надеяться нам не на что.

– Не, я не о том, – забавно округлила глазки девочка. – Я-то понимаю, что берут только малышей. Я тебя просто спрашиваю, какую маму ты хотел бы иметь, чисто ги-по-те-тиче-ски? – Одолев заковыристое слово, явно подхваченное от кого-то из преподавателей, Дарья напыжилась от гордости, от чего ее и без того забавная мордашка стала еще забавнее.

– Ну, во-первых... – мальчик задумался, как будто этот разговор шел между ними впервые, – мама должна быть доброй и чтобы любила...

– И конечно же, красивой. Да, Аристушка?

– Красивой необязательно, – авторитетно заявил мальчик. – Главное, чтобы мама была доброй и ласковой.

– И богатой, чтобы всякие вещи покупала: конфеты, бананы, игрушки, одежду красивую. – Дашка мечтательно закатила глаза к потолку.

– Малая ты еще и глупая. – Мальчик окинул подругу серьезным взглядом. – Богатство – не главное, главное, чтобы мама любила.

– Красивая, – не сдавалась девочка.

Спор между двумя воспитанниками детского дома грозил не на шутку разгореться, но в этот момент из дальнего конца коридора раздался властный женский голос:

– Аристарх Савушкин, заходи в кабинет директора!

– За что тебя, Аристусик? – Дарья тут же забыла о недавних «принципиальных» разногласиях и принялась жалеть закадычного друга, поскольку вызов в кабинет директора ничего хорошего воспитаннику не обещал. Вероятность того, что за тобой явились твои любящие родители, «утерявшие тебя случайно в малолетнем возрасте», – исчезающе мала, а шанс огрести на орехи за какую-нибудь провинность – катастрофически велик.

Мальчик нехотя соскочил с подоконника и, понутив голову, побрел к поджидавшей его воспитательнице, на ходу соображая, за какую такую провинность на сей раз он удостоен чести лицезреть всемогущего Владимира Яковлевича. Беглый анализ совершенных им деяний, кои можно было бы причислить к категории «нехорошие», ничего такого не выявил, и мальчик зашагал немного бодрее – может быть, все-таки пронесет.

В директорском кабинете, как ни странно, Владимира Яковлевича не обнаружилось. Вместо него за массивным столом восседал незнакомый молодой человек спортивного телосложения и располагающей наружности. Во всяком случае, на Аристарха он произвел весьма благоприятное впечатление.

«Такой не огреет исподтишка указкой по пальцам, – мысленно решил мальчик, – и не оставит без ужина за какую-нибудь ерундовую провинность».

У окна на стуле скромно сидел еще один человек: Аристарху показалось, что это старик. На самом деле это был мужчина лет шестидесяти – слегка полноват, лысоват, и вообще здорово походил на одного хорошего артиста, имени которого мальчик не помнил, знал только то, что его голосом говорил Винни Пух в любимом всеми воспитанниками детского дома мультике. Последнее обстоятельство не могло не добавить толику доверия к двум обосновавшимся в директорском кабинете мужчинам, и Аристарх окончательно успокоился, твердо уверовав, что наказывать его здесь не собираются.

– Ну, здравствуй, Аристарх Савушкин! – первым заговорил не тот молодой человек, что сидел за директорским столом, а пожилой, и мальчик неожиданно для себя вспомнил имя артиста, озвучивавшего плюшевого медвежонка Винни.

– Здравствуйте, товарищ Леонов! – ответил на приветствие он и, переведя взгляд на молодого, сказал: – И вы, товарищ, здравствуйте!

Взрослые переглянулись, тот, что помоложе, широко заулыбался и в свою очередь поздоровался с мальчиком. Затем обратился к пожилому со словами:

– Вот видишь, Аполлинарий Митрофанович, мальчишка-то наблюдательный, сразу признал в тебе всеми любимого артиста. – Затем он перевел взгляд на Аристарха и с сожалением в голосе заявил: – Ты ошибаешься, малыш, это не Евгений Леонов, а, как ты, наверное, уже успел догадаться, совсем другой человек. Просто очень похож внешне, и голоса у них почти одинаковые.

– Да я понимаю, – засмутился Аристарх. – Прошу прощения, товарищ Аполлинарий Митрофанович. – Затем после небольшой заминки выдал: – Только, товарищи, попрошу не называть меня малышом. Мне уже десять лет, и я уже почти что взрослый.

В ответ мужчины громко, но совсем не обидно рассмеялись. Хорошенько повеселившись, тот, что был помоложе, смахнул тыльной стороной ладони невольную слезу с уголка глаза и вновь обратил свой взор на воспитанника интерната.

– Извини, Аристарх, действительно, ты человек взрослый. Обещаю, что больше никогда не стану называть тебя малышом. Лучше давай-ка для начала познакомимся. Этот пожилой на вид мужчина, здорово похожий на артиста Леонова, на самом деле Невструев Аполлинарий Митрофанович, или просто Митрофаныч, а меня зовут Владимир Викторович Сысоев, для тебя – Володя. Кто мы и для чего здесь, ты узнаешь чуть позже. А пока я хотел бы тебя попросить сесть вон туда. – Он указал рукой на стоявший у стены обычный стул с изогнутыми ножками и дерматиновой обивкой сиденья и спинки.

– Слушаюсь, товарищ Владимир Викторович! – отчеканил Аристарх и едва ли не строевым шагом направился к указанному стулу.

На что взрослые обменялись быстрыми взглядами, а Аполлинарий Митрофанович недовольно пробормотал:

– Ох уж мне эти отставные вояки, даже детский приют норовят в казарму превратить. Это же надо отчебучить: «товарищ Владимир Викторович». Непременно поставлю вопрос перед Владыкой об искоренении порочной практики пристраивания армейских дуболомов на теплые места. Как там, Вовчик, «пусть пироги печет пирожник». А этих, с позволения сказать, воспитателей на версту не подпускать к малым деткам, ну ежели только на должностные военруков и трудовиков.

– Номенклатура, Митрофаныч, – усмехнулся «Вовчик». – Типа бояре в нашу с тобой далекую младость. Даже если туп и откровенно ни на что не годен, но должность на прокормление ему вынь да положь. Поэтому ни ты, ни Верховный, ни даже сам Господь ничего тут не в силах изменить.

– Ну ладно, Вовчик, хватит умничать, – сердито огрызнулся Аполлинарий Митрофанович и как-то невпопад заметил: – Тебе бы, паря, имидж поменять, а то при седых-то яйцах все в мальчишках бегаешь. Все Вовчик да Вовчик – несолидно как-то.

– Да полноте, Митрофаныч, возмущаться-то. Может быть, через годков эдак триста отпущу себе бородищу, как у Черномора, и буду по школам ходить да младому поколению речь, как в осьмсот двенадцатом бивал хранцуза штыком и пулей или в Гражданскую не позволил Чапаю Урал-реку переплыть.

– Ну хватит же, балабол, языком чесать, эвон мальчонка-то ушки наострил. Наверное, думает, дядьки так шутят.

– Да ничего я не думаю, – еле слышно пробормотал страшно заинтригованный Аристарх.

– Думаешь, думаешь! – задорно сверкнул ровными снежно-белыми зубами Владимир. – Если бы ты не умел думать, нас с Аполлинарием Митрофановичем здесь сейчас не было бы. Короче, так, паря, посиди пару минут молча и думай о чем-нибудь приятном. Для удобства можешь глазенки зажмурить.

Мальчик именно так и сделал: предельно расслабился, закрыл глаза и начал вспоминать, как две недели назад их водили в театр юного зрителя на «Принцессу на горошине». Спектакль был ярким, запоминающимся, но Аристарх до сих пор никак не мог взять в толк, каким образом принцессе удалось почувствовать маленькую горошину. Конечно же, он читал знаменитую сказку Андерсена, но прочитать – одно, а увидеть собственными глазами впечатляющую гору пуховых перин и матрасов – совсем другое.

Между тем Владимир Сысоев и Аполлинарий Митрофанович Невструев не сводили с мальчика глаз и время от времени обменивались краткими репликами:

– Обрати внимание, Володя, на интенсивность свечения внешней астральной оболочки.

– И как только он с такой энергетикой не отправил кого-нибудь из наиболее «любимых» воспитателей на тот свет?!

– Согласен, Володя, этот малец помимо собственной воли мог стать убийцей.

– М-м-да, вовремя он проявился, иначе... – Что было бы в противном случае, Владимир Викторович умолчал, но несложно догадаться, что ничем хорошим для Аристарха это закончиться не могло.

– Ну как, Вовочка, подходит он нам?

– Думаю – да, Митрофаныч. Исключительно редкий экземпляр.

Наконец странной парочке наскучило глазеть на замершего неподвижно мальчика и обсуждать его персону, будто самого его и в комнате-то не было. Аполлинарий Митрофанович встал со своего места, подошел к Аристарху и, погладив его по коротко стриженной головке, сказал:

– Лады, паря! Мы закончили тестирование. Можешь открыть глаза и наконец-то постараться все-таки расслабиться. Как видишь, ничего плохого мы тебе не сделали. Ну, чего замер, будто кролик под взглядом удава? Открывай зенки! Разговор имеется... мужской. Хватай-ка стул да перемещайся поближе к столу. Я также туда подсяду.

Против мужского разговора мальчик не возражал, хоть и был здорово удивлен загадочным поведением своих новых знакомых. Он подтащил довольно тяжелый стул к столу и уселся аккуратно напротив Владимира Викторовича Сысоева. Аполлинарий Митрофанович Невструев подошел к нему и, снова погладив по голове, спросил:

– Чаю хочешь, с конфетами и пряниками?

– Кто ж откажется? – При одном лишь упоминании о сладком у Аристарха потекли слюнки.

– В таком случае сейчас организуем. – С этими словами «товарищ Леонов» удалился из кабинета.

Отсутствовал он недолго. Через пару минут на столе появились исходящий паром чайник, заварной чайничек, три чашки с блюдцами и целая гора шоколадных конфет без оберток вперемешку с пряниками в стеклянной вазе.

– Ух ты! – восхитился мальчишка. – Хорошо живете! – А про себя подумал: «Наверное, олигархи». Это новомодное словечко он почерпнул из разговоров воспитателей, кои страшно завидовали этим самым олигархам и при всем при этом от всей души их ненавидели.

– Не жалуемся, – тут же нашелся Вовчик, а Аполлинарий Митрофанович лишь с нескрываемой жалостью посмотрел на воспитанника детского дома и недовольно покачал головой.

Выпив три чашки чая с конфетами и пряниками, мальчик тяжело вздохнул и откинулся на спинку стула, размышляя над тем, стоит ли испросить разрешение у «добрых товарищей олигархов» забрать с собой оставшиеся пряники и конфеты, чтобы угостить Дашку и прочих воспитанников. Но Владимир каким-то образом сумел догадаться о беспокоящих его мыслях, с улыбкой сказал:

– Не волнуйся, Аристарх, конфеты и пряники возьмешь с собой. Там в углу еще два пакета с гостинцами для твоих друзей. А теперь, если позволишь, поговорим, как взрослые люди. – Возражений не поступило, и он задал, казалось бы, отвлеченный вопрос: – Признайся, мой юный друг, ты сказки любишь?

Торопиться с ответом мальчик не стал – предполагавшаяся серьезность разговора требовала от него взвешенных, хорошо продуманных ответов. С минуту подумав, он заговорил:

– Сказки разные бывают, товарищ Владимир Викторович. Дашка, например, любит про Чебурашку и Простоквашино, а по мне, так там все неправда. Чебурашек не бывает, и котов говорящих, и собак, и мальчику никто не позволит жить одному в своем доме – непременно появится инспектор по делам несовершеннолетних и быстро загребет его куда следует. Я

страшные сказки люблю, потому что в жизни все кончается плохо. Вон Коленьку малого забрали на усыновление, а через неделю нам сказали, что помер, мол, псина родителей евонных загрызла. Рот... рот... тьфу ты! Забыл, как называется.

– Ротвейлер, – подсказал Владимир.

– Точно! – радостно воскликнул мальчик. – Ротвейлер.

– Ну и что с теми родителями? – поинтересовался Владимир.

– А чо им сделается – депутатам? Теперь по новой приезжают, выбирают другого ребенка. Мы все трясемся, как бы кого из нас не забрали. Я так думаю, товарищи, – Аристарх нарочито заговорил как можно тише, будто опасался, что их кто-то сможет подслушать, – они берут детишек не для себя, а для собаки, ну, чтоб злее была и человекaм грызть не боялась.

От слов мальчика даже у повидавших всякого на своем веку гостей глаза едва на лоб не полезли. Мужчины переглянулись, и Аполлинаруий Митрофанович негромко, но авторитетно бросил, обращаясь к своему коллеге:

– Срочно разобраться, Вовчик!

– Сделаем, босс! – без какого-либо намека на ерничанье ответил Сысоев. Затем продолжил, обращаясь уже к мальчику: – Ну хорошо, Аристарх, со сказками худо-бедно разобрались. А скажи-ка мне, в колдунов, волшебников, всяких там ведьм ты веришь?

– Верю, товарищи, – быстро-быстро зашептал мальчик, – колдуны и ведьмы существуют, только таких, как Хоттабыч, не бывает – одни кощеи, Гингемы и Бастинды... – И, помолчав немного, добавил: – Эх, стать бы Железным Дровосеком, да так, чтобы воды не бояться, я бы им всем показал, как детей обижать!

– Значит, ты хочешь стать таким же сильным, как Железный Дровосек, чтобы бороться со злом, – не спросил, а констатировал Аполлинаруий Митрофанович.

– Хотелось бы, товарищ Невструев, – с недетской болью во взгляде отвечивал Аристарх. – Я бы того ротвейлера зарубил, а хозяйвов бы в клетку посадил и кормил бы тем, чем нас кормят.

– Жестоко, – улыбнулся Владимир.

– Но справедливо, – также усмехнулся Аполлинаруий Митрофанович, – особенно в плане кормежки.

– Я смотрю, ты, Аристарх, парень неглупый и рассудительный, – вновь взял инициативу в свои руки Владимир. – Поэтому не стану ходить вокруг да около. Короче, так, мой юный друг, у тебя есть реальный шанс стать Железным Дровосеком или любимым тобой Хоттабычем. То есть я немного утрирую, стального тела и волшебной бороды мы тебе не гарантируем, но колдовать ты будешь как заправский волшебник.

– Ерунда! – мальчик махнул рукой, будто отгонял навязчивого комара. – Добрые волшебники бывают только в сказках.

– Но ты же сам только что сказал, что веришь в злых колдунов, – не сдавался Владимир.

– Так то ж злые!

– А доколе в мире есть зло, значит, должно быть и добро, ему противостоящее, – наконец Сысоев нашел необходимые аргументы в разговоре с малолетним пессимистом. – Ты не можешь не признать правоту данного тезиса. – И, не дожидаясь ответа, продолжил: – Более того, перед тобой как раз парочка добрых волшебников: я и Аполлинаруий Митрофанович...

От неожиданного заявления мальчик растерялся и как-то сразу бездоказательно поверил тому, что перед ним действительно волшебники – вполне вероятно, на подсознательном уровне каждый ребенок (и не только ребенок) мечтает о том, что когда-нибудь в его жизни появится добрый волшебник и исполнит самое заветное его желание. Однако его мятущийся дух все-таки не сдался вот так сразу.

– Дяденьки-товарищи, так не бывает!

– Бывает, мой мальчик, – подтвердил слова коллеги Невструев. – И у тебя имеется вполне реальный шанс стать одним из нас. Вот смотри! – И как бы в подтверждение собственных слов взмахнул рукой.

Прямо на глазах угрюмый директорский кабинет наполнился ярким солнечным светом, летним теплом, птичьим гомоном, по комнате залетали радужные пузыри, а между ними неправдоподобно огромные бабочки и какие-то малюсенькие птички с длинными загнутыми клювами. Затем из углов кабинета ударили, будто искрящиеся фонтаны, четыре радуги. Они сошлись над головой мальчика и рассыпались разноцветьем брызг, наподобие невероятного салюта. Настроение как-то сразу подскочило на невообразимую высоту, и обалдевший от прилива добрых эмоций Аристарх громко и радостно расхохотался. Ему захотелось вскочить и погоняться за бабочками и птицами, но, как человек взрослый (или считающий себя таковым), он сдержался.

Позволив мальчику вдоволь налюбоваться чудесами рукотворной иллюзии, пожилой волшебник (теперь уже, без всякого сомнения) вновь взмахнул рукой, и в директорском кабинете стало по-прежнему мрачно и казенно.

– А я так когда-нибудь смогу? – еле слышно, одними губами прошептал мальчик.

– Конечно, сможешь! – Оптимизма в голосе Вовчика хватило бы на десятерых. – За этим, собственно, мы сюда и явились, точнее, не для того, чтобы тешить тебя яркими фантомными образами, а чтобы предложить отправиться с нами в одно закрытое учебное заведение, где из таких мальчишек и девчонок, как ты, со временем вырастают самые настоящие маги.

– Добрые? – спросил Аристарх.

– Конечно же добрые, – без тени сомнения в голосе ответил Владимир. – Скажу по секрету, злых готовят в другом месте, а наша задача – спасти от них мир.

– Тогда я согласен, – улыбнулся мальчик, но вдруг с надеждой попросил: – Товарищи, а нельзя ли в это заведение Дашку взять? Пропадет тут она без меня. Малахольная – всему доверяет, а ее тюкают все кому не лень.

Митрофаныч вопросительно посмотрел на Владимира.

– Иванова Дарья Александровна, восьми лет от роду, потенциал двадцать пять единиц – нам не подходит.

– Понимаешь, Аристарх, – покачал головой Аполлинарий Митрофанович, – взять ее с собой мы не можем, но клятвенно обещаю, что в самое ближайшее время твою подругу возьмет на воспитание солидная бездетная пара, где к ней будут относиться как к родной дочери.

– Тогда я согласен, – радостно заулыбался Аристарх и, немного подумав, выдал цитату из популярного американского фильма: – Вы сделали мне предложение, от которого невозможно отказаться.

На что взрослые, а вслед за ними и мальчик дружно рассмеялись...

А через пару дней в детский дом с целью поиска подходящей для усыновления или удочерения кандидатуры приехала солидная семейная пара из самой столицы. Дашенька Иванова сразу приглянулась обоим супругам. Администрация детского учреждения отчего-то не стала заниматься обычной в таких случаях волокитой, и процедура удочерения заняла считанные дни. В один прекрасный день девочка покинула ненавистные стены, на зависть своим бывшим товарищам села в огромный черный автомобиль и укатила в неизвестном направлении. Больше в детском доме с издевательским названием «Счастье» никто о ней не слышал.

В погожий весенний день, примерно через неделю после описанной выше встречи Аристарха с двумя чародеями, к тщательно охраняемым воротам одного из элитных поселков, расположенного неподалеку от Новосибирска, подкатила черная иномарка с практиче-

ски зеркальной тонировкой стекол. Внушительного вида охранник с «АКМСУ» на плече без лишних вопросов включил подъемный механизм шлагбаума и пропустил автомобиль на охраняемую территорию.

Проехав с полкилометра, машина остановилась неподалеку от ворот дома, принадлежавшего известному и уважаемому не только в Сибири, но и во всей остальной России человеку, между прочим, влиятельному политику, а также владельцу заводов, дворцов, пароходов, рудников, нефтяных вышек и прочего уворованного у народа добра. Среди близких друзей он слыл большим любителем бойцовских пород собак и определенно знал в этом толк.

Если бы тонировка стекол была не столь основательной, любой проходящий мимо человек смог бы разглядеть в салоне автомобиля двух молодых людей: девушку на переднем пассажирском кресле и сидящего за рулем юношу. Водитель заглушил двигатель и, взглянув на подругу, коротко сказал:

– Ждем.

В тот самый момент, когда водитель загадочной иномарки произнес означенную фразу, обожаемая (четвертая по счету) супруга олигарха выгуливала неподалеку от дома здорового ротвейлера по кличке Цезарь. Внушающая ужас любому здравомыслящему человеку гора мышц и крепких костей послушно следовала за дамой, совсем еще молоденькой девушкой, не успевшей толком освоиться в царских апартаментах мужа.

Заметив стайку воробьев, клюющих что-то на недавно освободившейся от снега лужайке, Цезарь зарычал и бросился к птицам. Никого не поймал, зато всех распугал, после чего с довольной улыбкой на слюнявой морде вернулся обратно к хозяйке.

Хлопнула входная дверь, и на пороге дома показался ее обожаемый супруг – грузный мужчина лет пятидесяти. Сиплым, простуженным во время многочисленных ходок в места не столь отдаленные голосом он позвал:

– Наташенька, Цезарь, вы там еще не замерзли?

– Да нет, Ярослав Витальевич, Цезарь еще не нагулялся. – Молодая женщина не успела толком освоиться в новом для нее статусе супруги олигарха, поэтому даже в постели во время любовных утех вежливо величала его по имени и отчеству. Такая манера обращения весьма импонировала мужу, и он против этого не очень возражал.

– Хорошо, любимая, тогда я одеваюсь и иду к вам.

Через минуту Ярослав Витальевич в небрежно наброшенной на плечи овчинной дохе топал по двору.

В этот момент сидевшая на пассажирском кресле тонированной иномарки девушка открыла до этого зажмуренные глаза и обратилась к напарнику:

– Объект в зоне досягаемости. Можно приступать к операции.

– Понял, – кивнул головой молодой человек. – Перехватываю контроль над животным.

Ярослав Витальевич не успел преодолеть и половины разделявшего его с псом и супругой расстояния, как Цезарь насторожился, поднял на приближавшегося мужчину подслеповатые глазки, с шумом втянул в себя ядреный от легкого морозца весенний воздух и молча бросился навстречу хозяину.

– Цезарь! Мой дорогой друг! Верная псина! – радости Ярослава Витальевича не было предела.

Однако вместо того, чтобы, добежав, как обычно, остановиться и начать ластиться к своему повелителю и богу, пес прыгнул на грудь человека и вцепился мощными зубами ему в лицо. Не ожидавший подобного оборота хозяин опрокинулся на спину, а Цезарь тем временем продолжал своими страшными зубами терзать человеческую плоть.

Сбежавшиеся на громкий крик перепуганной насмерть женщины охранники пристрелили взбесившегося хозяйского любимца, но пострадавшему это помогло мало. Через пол-

часа Ярослав Витальевич Громов – несостоявшаяся надежда российского истеблишмента – скончался в страшных муках от полученных ран.

Выйдя из транса, водитель иномарки лишь молча кивнул сидящей рядом девушке, после чего повернул ключ в замке зажигания и неспешно покатыл в направлении КПП.

Неожиданно овдовевшая женщина недолго оплакивала горячо обожаемого супруга. Несмотря на то что помимо нее нашлось немало претендентов на наследство олигарха, свое она отстояла. Вскоре она, как утверждают злые языки, выскочила замуж за одного из бывших охранников своего покойного супруга и, превратив недвижимость в твердую валюту, вместе с новым мужем покинула страну.

Глава 1

На след Твари я наткнулся на второй день своего пребывания в Златогриве. Сложно поверить, но целые сутки целенаправленных поисков ничего не дали, а тут вдруг нате вам – толпа народу и мертвый мужчина на асфальте, или почти мертвый, но самое главное – четкий, характерный след «дикого». Вот удача-то!

Уверенно раздвинув зевак, я подошел к трупу. Синюшное, искаженное страшной гримасой лицо, руки сложены на груди. Любый врач на моем месте, скорее всего, констатировал бы смерть от инфаркта. Но я-то не врач и должен приложить все возможные усилия, чтобы спасти пострадавшего, хоть на шее у него имеется небольшое, но заметное покраснение – явное свидетельство того, что непосредственно перед смертью человека Тварь вошла с ним в тактильный контакт.

Недолго думая, я снял пиджак и галстук и препоручил их какой-то симпатичной девушке, с ужасом глазевшей на распластанное тело. Про себя отметил, что неплохо бы, когда все закончится, пригласить ее в какое-нибудь уютное заведение с целью установления более тесных контактов. Закатав рукава рубахи, наклонился к усопшему и возложил ладонь правой руки ему на лоб, типа Иисус из Назарета.

Ага, так и есть, парня банально высосали, как пакет с соком, благо ногой не прихлопнули для получения оглушительного бабаха, как это делают с опустевшей пластиковой тарой некоторые мальчишки. А что? От избытка чувств и эмоций Тварь вполне могла походя свернуть шею своей жертве, в этом случае любые реанимационные мероприятия были бы бесполезны. А так стоит попытаться оживить парня, клиническая смерть не есть что-то необратимое.

Я привычно вошел в астральный транс и начал потихонечку, капля за каплей, переливать в мертвое тело собственную жизненную силу, точнее, ту не видимую глазом эфирную эманацию, посредством которой бессмертная душа человека удерживается в его брэнной оболочке и с помощью инстинктов, разума, а также иных механизмов управляет оной. Поступление энергии должно быть строго дозированным и стабильным, поскольку слишком быстрое заполнение «вместилища души» чревато для пострадавшего физиологическим коллапсом, иначе говоря, он мог впасть в коматозное состояние и до реальной своей смерти так и не очухаться. Если же поток нестабилен или мал, существует угроза окончательного и полного разрыва тонких связей между душой и телом.

Ситуация осложнялась присутствием вокруг меня и моего, с позволения сказать, пациента большого количества зевак, точнее, наличием генерируемых этой людской массой помех. Кое-кто даже увлеченно снимал сцену реанимации на встроенные в телефоны видеокамеры. Очередное дурацкое поветрие выкладывать в сетях Интернета все что ни попадя. А мне оно надо? Пришлось параллельно процессу излечения заняться этими кретинами, точнее их мобилами. Ничего, может быть, потеря пары-другой тысяч кровно заработанных российских рублей, затраченных на ремонт телефонов, отучат их от дурной привычки делать чужое горе достоянием общественности. Вообще-то с одним наиболее неподатливым «Nokia» я малость перестарался. Мобильник буквально взорвался в руках у прыщавого рыжеволосого юнца, невежливо пихавшего мне его едва ли не в лицо. И поделом, вечером заработает на орехи от любящего папашки за порчу дорогостоящей бытовой техники, может быть, в следующий раз, если не постесняется, хотя бы убоится совать свой конопатый нос в чужую жизнь.

Наконец, труды мои праведные начали приносить ожидаемые плоды. Закачав необходимую порцию жизненной энергии в брэнную оболочку мужчины, я коснулся астральными синапсами его сердца. Прямой массаж сердечной мышцы, скажу вам, занятие весьма утоми-

тельное. Конечно, будь в данный момент на моем месте Андрюха Шатун, мертвец уже давно бы воскрес. Но я не завидую своему другу, ну, если и завидую, только доброй завистью и совсем чуть-чуть. Именно Андрей во время нашей с ним операции в джунглях Центральной Америки буквально вынес на собственных плечах мое бездыханное тело и в самом прямом смысле подарил мне жизнь, хотя в тот момент я был не намного живее лежащего передо мной человека. Ну и влетело же нам тогда от Владыки за то, что ослушались приказа и сразу же после проведения диверсии не сделали ноги, а малость подзадержались, дабы поглазеть на результаты дел рук своих. Спасло нас лишь то, что Алваро Карераса мы все-таки заваляли, а победителей, как известно, не судят, а если и судят, то не очень строго.

В ответ на мои воистину титанические усилия сердце мужчины все-таки заработало, сначала натужно и медленно, как бы нехотя, будто тем самым выражало свой протест по поводу вопиющего вмешательства какого-то там смертного в дела, подведомственные одному лишь Господу Богу. Вскоре невинная жертва Твари начала подавать первые признаки жизни. Затрепетали веки, на щеках появился еле заметный румянец, заработали легкие.

У меня, наконец, отлегло от сердца. Теперь уже не мертвый, а всего лишь больной был плох, но состояние его никак нельзя было назвать критическим. Единственное, в чем он нуждался, – это в продолжительном покое и, может быть, в капельнице с гипертоническим раствором глюкозы для повышения артериального давления и подпитки организма.

А тут и «Скорая» подоспела. Я с легкой душой сдал подопечного на руки улыбчивого и слегка циничного (как большинство представителей славного племени эскулапов) врача – мужчины средних лет, не растерявшего от постоянного общения со страждущими природного оптимизма.

– Ну, что у нас тут происходит? – спросил он, пытаясь нащупать у пострадавшего пульс.

– Да кто ж его знает, – покривив душой, я пожал плечами. – Сердце, наверное. Жарко на улице, вот и прихватило.

– Да, погоды стоят небывалые. Жарища, что в твоей бане, – наполняя шприц какой-то бесцветной субстанцией из ампулы, согласился доктор и, кивнув головой в сторону приходящего в себя больного, доверительно сообщил: – А с этими будто прорвало. Вы не поверите, но только за этот день третий вызов, между прочим, этому еще повезло – два предыдущих подобных случая закончились летальным исходом. Вчера четверых в морг отправили. Позавчера – двоих. И кто, бы вы думали, пострадавшие? Пенсионеры? Алкаши-хроники? Наркоманы со стажем? Инвалиды? Черта с два, уважаемый! Все упокойнички на вид вполне здоровые люди от двадцати до тридцати, без вредных привычек, успешные в жизни...

Я перевел взгляд на тупо моргающего мужчину и с удивлением обнаружил, что ему вовсе не за сорок, как мне сначала показалось, а, несмотря на раннюю лысину, не более тридцати лет.

Между тем санитар и водитель притащили складывающуюся каталку и бережно водрузили на нее пострадавшего. Врач перетянул мужчине руку резиновым жгутом, сноровисто вонзил в вену иглу и ввел лекарство. Затем извлек из чемоданчика полулитровую бутылку темного стекла с надписью на этикетке: «Глюкоза 10 % раствор», поставил больному капельницу, закрепив емкость в специальном штативе, установленном в изголовье.

– Ну как он? – поинтересовался я, исключительно из вежливости, поскольку не хуже доктора знал, что молодому человеку уже ничего не грозит.

– Жить будет, а вот насчет баб и водки время покажет, – сдохмил врач и знаками показал санитару и водителю, чтобы закатывали парня внутрь автомобиля.

На прощание мы с доктором пожали друг другу руки, и изрядно потрепанная «Газель» с пострадавшим на борту укатила прочь.

Я взял у терпеливо ожидавшей девушки пиджак и галстук. К великому моему сожалению, времени на знакомство с ней у меня не оставалось – нужно было отправляться по следу Твари, чтобы не позволить ей лишить жизни еще кого-нибудь. А в том, что она непременно попытается это сделать, я был абсолютно уверен.

Не забыв поблагодарить прелестную незнакомку, натянул на плечи пиджак, галстук небрежно запихнул в боковой карман и бодрым шагом потопал вслед за не видимой глазом, но четко обозначенной в Астрале путеводной нитью.

Несмотря на то что в старинном русском городишке с забавным названием Златогрив я оказался впервые, мне не составляло труда ориентироваться в его довольно запутанных улицах, переулках и тупиковых ответвлениях с забавными названиями: Первая Пионерская улица, Вторая Пионерская, Третья и так далее. Коммунистических и Октябрьских улиц и переулков здесь было не меньше. Даже каким-то непостижимым чудом сохранилась улица Диктатуры Пролетариата, хотя данная доктрина была признана самими советскими коммунистами порочной еще в годах, если не ошибаюсь, шестидесятых.

Древний купеческий город на берегу изрядно обмелевшей реки Серебрянки столь же упорно сопротивлялся натиску демократических перемен, как в былые времена отказывался от нового обряда патриарха Никона, реформ Петра Великого и прочих нововведений. В свое время заправлявшие здесь купцы собрали великую для того времени сумму в пятьдесят тысяч рублей серебром и сунули ее в качестве взятки главному инженеру проекта железной дороги Москва – Киев, чтобы тот отвел «грохочущую беду» от древнего города, дабы «диавольскими звуками паровозы не нарушали богом данного благолепия». Железнодорожная ветка аж на целых пятнадцать верст обогнула Златогрив, оставив потомкам колоритный уголок кондовой старины с неисчислимым количеством церквей, каменными торговыми рядами, бревенчатыми домами и ужасно кривыми улицами.

Центр города, в соответствии с какой-то там губернаторской программой, был вымощен брусчаткой. Злые языки поговаривали, что заводик по производству этой самой брусчатки принадлежит какому-то близкому родственнику губернатора, отсюда, собственно, взялась и сама программа благоустройства. А вот за пределами обустроенного центра началось нечто, напоминающее прифронтовые рокады времен Второй мировой. Несомненно, златогривские дороги, иже с ними и тротуары, в зависимости от сезона года или погодных условий, являли собой две ипостаси: грязь и пыль. Мне относительно повезло – не приходилось топтать по жидкой грязи, зато каждый проезжающий мимо автомобиль поднимал в воздух такое плотное облако пыли, что создавалось впечатление, будто я нахожусь на Бородинском поле во время приснопамятной битвы с французами.

Ничего не поделаешь, выпив жизненные силы из спасенного мной человека, Тварь рванула на восточную окраину городка, и мне, для того чтобы ее обезвредить, приходилось топтать пыльные улочки древнего русского города. Что ею двигало, для меня было загадкой. В центральной части и народишку побольше, и укромных уголков, где можно безо всякого риска «оприходовать» очередную жертву, вполне хватает. По всей видимости, у так называемого дикого мага в данный момент состояние неконтролируемой эйфории, вот его и несет куда глаза глядят. Впрочем, существует вероятность, что Тварь действует хладнокровно и расчетливо. Ничего, догоню, выверну наизнанку и посмотрю, что у нее внутри. Во всяком случае, быстрой смертью она у меня не отделается – все выложит без утайки: и про гнездовище свое поганое, и про всех своих проклятых «родственников». Поскольку именно с этой целью прибыл в славный древнерусский город Златогрив один молодой, но весьма перспективный маг и чародей Савушкин Аристарх Петрович. Насчет Петровича – не уверен, поскольку папашку своего (а также мамашку и прочих своих родичей) отродясь в глаза не видел. Вообще-то найти родственников не составило бы для меня особого труда, но Учитель, исходя из каких-то собственных соображений, запретил мне это делать до момента

моего двадцатипятилетия. Меня не особо цепляет этот вопрос, хуже, когда Митрофаных велит обрядиться в платье лакея восемнадцатого века и на потеху гостям корчить из себя эдакого недоделанного увальня. Хотя горланить под гитару в каком-нибудь подземном переходе разухабистые гусарские баллады, сочинения Дениса Давыдова – удовольствие еще более сомнительное, нежели щеголять в лакейском прикиде. «Смирение гордыни» – вот как называет Учитель подобные издевательства над своим учеником. Вообще-то я не в обиде, наставник лучше знает, что хорошо, а что плохо для его подопечного.

Миновав улицу Петра Шувалова (не в честь ли сиятельного графа Петра Ивановича названную?), я вышел к заросшему ивняком и ольшаником берегу Серебрянки. След Твари четко обозначался вдоль петляющей между могучими осокорями тропинки, зажатой непролазной стеной крапивы. Последнее обстоятельство (а именно наличие жгучих зарослей) подвигло местных жителей справлять малую и великую нужду прямо на тропе. Чтобы не вляпаться ненароком в одну из кишачих мухами омерзительных куч, мне приходилось постоянно смотреть под ноги.

По случаю рабочего дня народу на берегу было не так уж и много, в основном местные пацаны. Наловят пескариков сеткой, подстрелят из самодельного подводного ружья щучку или голавлика – вот тебе и основа для полноценной ухицы. Все остальное принесено с собой: и хлеб, и крупа пшенная, и картошка, и лучок, и необходимые специи. Благодать, домой ходить не надо, балдей целый день на реке, доколе погода способствует. Каникулы. Даже самому захотелось разоблачиться до трусов, искупаться в прозрачных струях не загрязненной промышленными отходами и канализационными стоками реки, а потом упасть на мягкую травку на бережку и, наслаждаясь запахами речной свежести, внимать неугомонным птичьим перезвонам, стрекоту кузнечиков и скрипучим лягушачьим песнопениям.

Между тем характерный «запах» Твари начал усиливаться. Метрах в двухстах впереди я заметил облаченную в синие джинсы и легкую футболку длинноволосую фигуру. О боже! Тварь, кажется, девчонка, и, судя по очертанию линий ее силуэта, неплохо сложена. Задача моя усложнится многожды, если своей красотой черты лица будут сопоставимы с ее фигурой – страсть как не люблю делать больно симпатичным дамам.

От переизбытка чувств я едва не вляпался в одну из зловонных «мин». Чертыхнувшись, ускорил шаг, поскольку преследуемый мной «объект» направлялся к троице сидящих на берегу у костра молодых парней, примерно моих ровесников. Ребята варили уху из свежесвыловленной рыбы, а пока она булькала и пузырилась в подвешенном над костром котелке, активно разминались пивком.

Завидев особу противоположного пола, причем одинокую, парни замахали руками, приглашая ее в свою компанию. Она остановилась, повернулась к ним лицом и начала с ними о чем-то оживленно беседовать.

Теперь, когда моему взгляду открылся ее профиль, язык вряд ли повернулся бы назвать это ангельское создание Тварью. И если бы мне не было ведомо, какова ее истинная сущность, я и сам был бы не прочь за ней приударить. Несмотря на бушевающие меня чувства, волосы на моей голове начали подниматься дыбом, а где-то под сердцем появился предательский холодок. Нет, я не испугался, точнее испугался, но не за себя, а за тех ребят, которые имели неосторожность обратить внимание на проходящую мимо них девушку. Для Твари высосать жизненную энергию из этой троицы было делом считанных секунд: легкое прикосновение к любому обнаженному участку тела – и человек готов. Я же находился довольно далеко от места будущей драмы и вряд ли успел бы помешать «дикому» сделать свое черное дело. В том, что Тварь нацелилась на ребят, у меня не было никаких сомнений, поскольку при желании она вполне могла бы отвести им глаза и пройти мимо незамеченной. А что? Задумано неплохо: высосет их без остатка и толкнет в воду. У несчастных даже хватит сил сделать под водой по одному вдоху – больше и не требуется. А потом любой патологоанатом

с чистым сердцем констатирует смерть от удушения в результате попадания воды в легкие. Глотнули парни пивка, разморило на солнышке, полезли в воду охолонуться и дружно утонули, как это нередко бывает с подвыпившими.

Если бы при мне было какое-нибудь огнестрельное оружие, я в этот момент, наверное, пристрелил бы Тварь, невзирая на строжайший приказ Владыки захватить ее живьем. К сожалению, магией я не имел права пользоваться, поскольку гнездовище находится где-то неподалеку и любая достаточно мощная волшба будет замечена ими, со всеми вытекающими последствиями. Ищи тогда ветра в поле или жди, когда в каком-нибудь провинциальном городке начнут ни с того ни с сего умирать молодые и вполне здоровые люди. Поэтому мне ничего не оставалось, как прибавить ходу и, прикинувшись изрядно поддатым, громко закричать, дабы привлечь общее внимание к своей персоналии:

– Пацаны! А пацаны! А какого хрена вы только что мово Васька отметелили?! Он вам чо, мешал или дорожку перебеж? Не, вы мне счас все объясните, или я за себя не отвечаю!..

При появлении еще одного охламона Тварь лишь плотоядно облизнула губы (между прочим, весьма аппетитные, с точки зрения любого половозрелого самца) своим розовым язычком. Пока что она не поняла, с кем в моем лице имеет дело, и до поры до времени отложила разборку с ничего не подозревавшей троицей.

Мое, мягко сказать, неординарное поведение зацепило ребят. Двое из них вскочили на ноги и уже собирались направиться в мою сторону. Однако третий, высокий, атлетически сложенный здоровяк, не позволил им этого сделать.

– Погодьте, парни! – Он спокойно посмотрел в мою сторону. – Мужик, похоже, перебрал малеха. С кем не бывает.

– Не, ребята, счас вы мне все объясните! – не унимался я. – Почто Василия изувечили и водку отобрали – три пузыря?!

Молодые люди, по всей видимости, окончательно убедились, что имеют дело с перегревшимся на жарком солнышке выпивохой. Они дружно заулыбались, соображая, каким манером быстрее всего привести ополоумевшего чудика в нормальное состояние: то ли для начала дать в зубы и сбросить в воду, то ли обойтись без мордобития и сразу отправить в реку.

Нарочито пошатывающейся походкой я подошел к предвкушавшей забавный спектакль компании. На мое счастье, Тварь находилась между мной и ребятами. Поэтому разминуться со мной (или мне с ней) у нее не было ни единого шанса. Перед тем как начать преследование, я со всем тщанием заблокировал свой мозг, чтобы ничем не выделяться из толпы обывателей. Поэтому до самого последнего момента Тварь не заподозрила во мне охотника, идущего по ее следу.

Делая вид, что симпатичная девушка меня не интересует, я нагнал на себя пущей сердитости и «сосредоточил все свое внимание» на ухмыляющихся парнях, изготовившихся для встречи забавного пьянчужки, выдвигающего необоснованные предъявы. Именно излишняя самоуверенность (как это, собственно, часто бывает) и погубила Тварь. Вообще-то у нее и так не было ни единого шанса выстоять против меня, но в данном случае я должен был взять ее, что называется, в целости и сохранности. И самое главное, чтобы ее, с позволения сказать, родственнички «не заметили потери бойца».

Удар правой у меня поставлен отменно, и пришелся он чуть ниже левой груди девахи. Для справки: если хотите отбиться от озверелой толпы обманутых вами поклонниц, глупо бить их ногой в пах, солнечное сплетение или в голову. Не стоит против них также использовать боевое самбо, джиу-джитсу и даже приемы загадочной восточной борьбы баритсу, с помощью коих Шерлок Холмс одолел профессора Мориарти. Женщина – существо хоть и слабое, но достаточно выносливое, с повышенным болевым порогом и в ярости, невзирая на боль, вполне способна разорвать вам лицо или откусить какой-нибудь жизненно важный

орган. Поэтому в схватке с женским полом не мудрствуйте лукаво, бейте в область сердца – уверяю, вариант беспроигрышный. Хрустнуло весьма обнадеживающе, похоже, парочку ребер мне удалось ей сломать. Тварь тихо охнула и, смежив очи, осела на травку. Но я на этом не успокоился, легко коснулся пульсирующей синей жилки на белой лебяжьей шее девушки, чем ввел ее в состояние полного беспамьяства.

Все произошло настолько быстро, что несостоявшиеся кавалеры (точнее, потенциальные покойники) не успели даже удивиться. А я тем временем был уже рядом с ними и точными точечными уколами указательного пальца в нервные узлы исключил всякую возможность их вмешательства в мои дела. Только не подумайте, что я их отправил на тот свет – не для того спасал. Просто вырубил ненадолго. Минут через десять очухаются как ни в чем не бывало и продолжат прерванный процесс поглощения пива. Да и уха к тому времени будет готова. А чтобы парней не терзало чувство вины за то, что не смогли защитить слабую девушку от домогательств какого-то алкаша-террориста, пришлось произвести определенные манипуляции с их молодыми мозгами. Ничего, придут в себя отдохнувшими и самое главное – с чистой совестью.

Напоследок прощупал окружающее пространство на предмет магических возмущений. Кажется, все в порядке. Тварь не успела сообщить своим о нападении на нее. Поэтому можно расслабиться и спокойно обдумать ситуацию. А первым делом неплохо было бы оттащить обездвиженное тело в какой-нибудь укромный уголок с целью проведения следственных мероприятий. Ох и уважаю же я сухой казенный язык за лаконичность! «Проведение следственных мероприятий» – красиво звучит, но самое главное – не нужно углубляться, как именно эти мероприятия будут проводиться. Впрочем, спешу предупредить, я не являюсь ярким поклонником дыб, крючьев под ребро, иже с ними испанских сапог и прочих средневековых методов. В моем арсенале исключительно бескровные способы вытягивания из людей нужной мне информации, менее неприятные, чем вышеперечисленные. Ну зачем человека поджаривать на медленном огне или ломать ему кости ржавыми клещами? Куда проще, покопавшись у него в памяти, извлечь оттуда все необходимое.

Подхватив девушку за талию, я положил ее руку на свое плечо, и мы потихоньку двинулись по тропинке, выходящей вдоль берега Серебрянки.

Метров через пятьсот обнаружилось искомое укромное местечко – еле заметная стежка, протоптанная неведомо кем в зарослях ольшаника, привела меня на небольшой, ограниченный с трех сторон песчаный пляж. Противоположный берег был совершенно пустынен, лишь откуда-то издалека до моего слуха доносились шум от поднимаемых в воздух брызг и восторженные возгласы плещущейся в воде ребятни.

Уложив девушку на песочек, я снял пиджак и подложил ей под голову. Сейчас Тварь вызывала скорее сочувствие, однако из опыта менее удачливых товарищей я знал, что расслабляться в ее присутствии было бы с моей стороны крайне неосмотрительно. Поэтому я вытащил из кармана припасенные как раз для такого случая наручники и надел их на запястья даме, предварительно заведя ее нежные ручки за спину. Затем экранировал пространственный объем диаметром метра четыре, чтобы астральные возмущения от любой сотворенной здесь волшбы не отмечались вне данного объема. Вот теперь можно спокойно пообщаться.

Легкое волевое усилие с моей стороны, и лежащее на речном песочке существо начало приходить в сознание и первым делом попыталось разорвать наручники, затем правой ногой попробовало дотянуться до моего паха. Крайне неразумно. Конечно, если бы руки Твари были стянуты обычными ментовскими браслетами и на моем месте был бы какой-нибудь старшина Прокопенко, у нее все бы получилось. Но изготовленный по спецзаказу уж-жасно секретный сплав, к тому же магически модифицированный, выдержал нехилый рывок «жен-

ских» ручек. Резкого удара острого каблучка мне с легкостью удалось избежать, поскольку я ожидал чего-то подобного.

Осознав, что угодила в незавидное положение, Тварь попыталась связаться с родичами, но ничего хорошего из этого также не вышло. Отраженный от зеркальной поверхности посыл вернулся обратно и едва не отправил ее в очередное небытие. Мне не перепало, поскольку я предусмотрительно закрыл сознание. Наконец девица (как-то язык не очень поворачивается называть ее Тварью) осознала, что от серьезного разговора со мной ей никуда не уйти, и с тоской воззрилась на своего мучителя.

– Зачем я тебе нужна, маг?

Ага, быстро же разобралась, с кем имеет дело.

– А ты не догадываешься? – вопросом на вопрос ответил я.

– Пожалуй, – пожала плечами девица и с завидным самообладанием продолжила: – Поскольку никого из всех захваченных вами братьев и сестер мы больше никогда не видели, скорее всего, ты меня убьешь.

– Заблуждаешься, голуба, в отличие от вас – бесконтрольных, мы по возможности стараемся никого не убивать...

– Не трудись, маг, – она скривила в улыбке свой красивый ротик. – Меня агитировать бесполезно. Знаю, что тебе от меня нужно. Своих не сдам... Корчат тут из себя благодетелей! Людишек они защищают, видите ли! А сами миллионами на убой отправляют, а если кто-то... – Не доведя до логического завершения начатую мысль, девушка обожгла меня гневным взглядом своих огромных карих глаз и замолчала.

Мне вдруг стало очень смешно – с каких это пор Твари начали подводить философскую базу под банальные убийства ни в чем не повинных людей? Но вступать в полемическую дискуссию я не намеревался. Мне ясно дали понять, что добровольно сотрудничать с легитимным представителем магического сообщества не желают. Поэтому, чтобы ускорить процесс получения необходимой информации, придется приложить некоторые усилия. При других обстоятельствах я со спокойной душой сдал бы ее в руки наших аналитиков, но, боюсь, к тому времени остальные члены гнезда сообразят, что их обнаружили. Ищи тогда ветра в поле, точнее, полдюжины стихийных магов-вампиров (в просторечье – Тварей) на бескрайних просторах нашей великой Родины.

Я присел у изголовья пленницы и без особого усилия, но достаточно крепко зажал ее голову в руках и закрыл глаза. Девушка поначалу задергалась, но, сообразив, что скорее сломает себе шею, чем вырвется из моих крепких рук, успокоилась, точнее, затаилась в ожидании удобного момента. Однако шанса навредить мне или хотя бы как-то помешать моим планам я ей предоставлять не собирался. Сломать ее ментальные барьеры для меня было сущим пустяком, все-таки классическое образование – великая вещь. Это вам не хапнуть крупицу знаний у доморощенного гуру, возомнившего себя пупом земли. Вскоре она спокойно посапывала, а я получил возможность основательно покопаться в ее памяти.

Итак, Селезнева Владислава Викторовна, девятнадцати годков от роду, родилась в городе Котлас Архангельской губернии, там же проживают ее родители. Ага... детский сад, школа, окончила с золотой медалью, в данный момент студентка факультета журналистики МГУ. Прошла инициацию полтора месяца назад, после того как попала на практику в редакцию газеты «Вести Златогрива». Далее все, что касается того самого гуру, приобщившего нашу кралю к запретному знанию и всех прочих его «птенцов»...

Через пятнадцать минут я открыл глаза и не без удовольствия принялся разглядывать впавшую в глубокий транс девушку. Красива чертовка, нечего сказать: огромные карие глазницы, в данный момент прикрытые веками с длинными ресницами. Черты лица правильные, может быть, губы слегка полноваты, но по мне и так лучше не бывает. Овал лица безупречный. Кожа бархатистая, слегка смуглая от загара. Волосы до плеч цвета темной меди,

собраны в тяжелый хвост. Длинная лебяжья шея. Под футболкой не зафиксированная бюст-гальтером грудь идеальной формы и размера. Расклешенные по моде джинсы не позволяли по достоинству оценить стройность ее ног, но я ничуть не сомневался, что там все в полном соответствии с моими воззрениями о женской красоте.

«Ничего, – подумал я, – очень скоро ты выбросишь из этой красивой головки все бредни о собственной исключительности и особом предназначении. Пройдет всего лишь пара недель, и ты будешь вспоминать свое недавнее прошлое как дурной сон».

Затем я извлек из кармана брюк мобильный телефон и нажал кнопку вызова.

– Что там у тебя, Савушкин? – Клара Алексеева, как всегда, была лаконична и до тошноты равнодушна. Вместо того чтобы возликовать, справиться о моем драгоценном здоровье, поинтересоваться погодой, сразу в лобешник: «Что там у тебя?» – гримза черствая. И кому только в голову пришла светлая мысль назначить ее куратором и главным координатором? Лучше бы Шатуна или того же Константиныча. Впрочем, последнего вряд ли бы привлекли к операции – проштрафился старикан, оплошал при попытке захвата иномирянина в гостинице «Арбат». Вообще-то, тогда все сработало из рук вон плохо, а огреб по полной лишь Виталий Константинович.

– Кларочка, как я рад слышать твой божественный голосок! – заблажил я, стараясь по возможности наполнить голос приторным елеем. – Ты даже представить себе не можешь, как мне было тяжело. В меня стреляли, за мной гнались, я отстреливался, одному йока-гери, второму мае-гери, третьему мавашей в лоб! Еле отбилась!..

– Кончай, Савушкин, из себя попугая Кешу корчить, – проворчала Клара, но мне все-таки показалось, что в ее голосе промелькнуло что-то человеческое. – Рассказывай лучше. Что случилось?

– Ладно, – обиженно проворчал я, – засекайте сигнал моего мобильника и присылайте группу поддержки. Будем ворошить «гнездо». Заодно пленную заберете.

– Тварь, что ль, стреножил?

– Ну что ты, Клара, здесь такая симпатичная деваха, даже язык не поворачивается Тварью назвать, – ухмыльнулся я, окинув в очередной раз плотоядным взглядом соблазнительную фигурку лежащей на песочке девушки. – А впрочем, лови фотку, сама убедишься.

– Присылай, – великодушно разрешила куратор, – передам в отдел разработок, может быть, там на нее что-нибудь полезное надывают.

– Не надывают, – безапелляционно заявил я. – Селезнева Владислава Викторовна, студентка МГУ, девятнадцати лет, остальное пробьешь по базе данных, «дикие» взяли ее в оборот всего полтора месяца назад, и вряд ли за это время она успела засветиться.

– Все равно проверим. Короче, жди группу минут через пятнадцать. Когда думаешь проводить операцию захвата?

– Немедленно, – ответил я. – Судя по тому, что мне удалось узнать, местный батька-Вий из тертых. Через полчаса он как раз собирает птенцов под свое крылышко для традиционной прокачки мозгов. Ситуация – лучше не бывает. Накроем всех разом и отпразднуем это дело в каком-нибудь уютном местечке на пару: только ты и я.

– Ладно, болтун, – хихикнула Клара – мне все-таки удалось вывести ее из состояния начальственной серьезности, – жди, – и разорвала соединение.

Сфотографировав «трофей» в различных ракурсах, я отправил картинки в координационный центр. Полюбовался струящимися в двух шагах от меня прозрачными водами Серебрянки, затем посмотрел на распластанное на песке девичье тело и с тоской во взгляде снова на воду. Оно, конечно, неплохо было бы полчаса поплескаться, но за это время девка может оклематься и подать весточку своим. Интересно, какую епитимью наложит на меня Учитель, если по моей вине операция провалится? Насколько мне известно, Константинычу определили двухмесячный отпуск на Бали – вот бы мне оторваться куда-нибудь к южному океану,

пусть не на два месяца, хотя бы на пару недель, ну на недельку. Впрочем, глупо мечтать о несбыточном. Похоже, Владыка какое-то серьезное дельце замутить пытается. Ужасно секретное. Учитель, хоть и в курсе, молчит, как рыба об лед, или заладит: «Всему свое время, Аристарх. От великого знания – великие беды», или вовсе дореволюционное: «Любопытной Варваре на базаре нос оторвали». Обидно, чесслово, обидно до соплей – какая-то Катька Синицына посвящена, а почти мастеру и преданнейшему человеку не доверяют. Вот опять, отрядили «диких» ловить, как будто подобной рутинной и заняться, кроме меня, некому. Клару бы послали, вот уж кому не помешало бы задницу лишней раз оторвать от офисного кресла. Глядь, подобрела бы, глотнув свежего воздуха, и наконец-то честь свою девичью, тщательно оберегаемую на протяжении тридцати без малого годков, кому-нибудь и преподнесла бы на тарелочке с голубой каемочкой. Я и сам не отказался бы вступить в контакт с Кларой, но, помимо меня, не ощущается недостатка в охочих комиссарского тела отведавать, поскольку объективно красотой Клара не уступит многим теле- и кинодивам.

Леталка, точнее, атмосферный летательный аппарат, появилась, как и было обещано, ровно через пятнадцать минут. Пилот не сплоховал – включил режим полной невидимости, чем избавил местных уфологов от пустых хлопот, а население Златогрива – от ненужного ажиотажа. Я и сам обнаружил ее, лишь когда она зависла над моей головой на высоте десяти метров. Приземлившись в двух шагах от меня и моей пленницы, аппарат примял ивовый куст и потерял абсолютную прозрачность. Вслед за этим в полупрозрачном корпусе образовался темный дверной проем, и на песок выпрыгнули четверо незнакомых мне парней и одна деваха, также незнакомая.

Как ни странно, лидером группы оказалась именно девчонка.

– Савушкин Аристарх Петрович? – на полном серьезе спросила она, как будто в непосредственной близости находился еще некто, кто мог быть Савушкиным Аристархом Петровичем.

– Так точно, сэр! – громко отрапортовал я, шутливо приставив ладонь к своему лбу.

Девушка никак не отреагировала на мою шуточку, как ни в чем не бывало представилась:

– Силаева Вероника Матвеевна, капитан ОСО, а это, – она поочередно указала рукой на прибывших вместе с ней парней, – лейтенанты Парамонов, Дмитрук, Васильев и Мокуров. – Затем посмотрела на меня своими серыми глазами и, позволив себе улыбнуться буквально краем рта, уведомила: – Аристарх Петрович, группа захвата в полном вашем распоряжении.

– Прямо-таки в полном? – я не удержался от подковырки в ее адрес.

– С известными ограничениями, – не полезла за словом в карман дама и, к вящей радости присутствующих мужиков, добавила: – Интим предлагать только при наличии непосредственной опасности для вашей жизни.

По достоинству оценив шутку юмора, я повернулся к лейтенантам.

– В таком случае, парни, пакуйте пленную и тащите в леталку! Только осторожно – девушка с норовом, ножкой в лоб заедет, мало не покажется.

– Ничего, босс, – широко заулыбался белобрысый гигант лейтенант Мокуров, – не таких обламывали.

С этими словами он извлек откуда-то на первый взгляд обыкновенную смирительную рубашку, коими утихомиривают в дурдомах самых буйных пациентов, и с помощью коллег сноровисто спеленал теперь, надеюсь, уже бывшую Тварь, не забыв снять с нее наручники. На самом деле это была не обычная смирительная рубашка – аксессуар умиротворения особо нервических натур. Этот предмет полностью лишал магической силы всякого упакованного в него чародея. Затем легко, словно пушинку, взвалил девушку на плечо и ненадолго скрылся в недрах летательного аппарата.

После того как пилот включил режим полной невидимости и поднял машину в воздух, чтобы отогнать в заранее оговоренное место, я обвел придирчивым взглядом своих времен-

ных подчиненных. Ничего так компашка, типа группа туристов, и одеты соответствующим образом, для полной убедительности не хватает рюкзаков и гитары. И капитан вроде бы симпатичная дама, но слишком ответственно ко всему относится. Не завидую ее подчиненным. Хотя ОСО есть ОСО, иначе говоря, Оперативная Служба Обеспечения. Этим и банду Тварей обезвредить, и в жерло действующего вулкана стонять, и на дно Марианской впадины опуститься как два пальца об асфальт.

– Расслабьтесь, парни! – После столь оптимистического начала я приступил к инструктажу вверенного мне подразделения: – В общих чертах ситуация такова: в Златогриве на протяжении нескольких месяцев действует сплоченная и тщательно законспирированная группа Тварей, если угодно – «диких магов». До поры до времени они вели себя достаточно скромно и на охоту выезжали только в соседние области. Однако, как это часто бывает, одна из новообращенных нарушила приказ и начала охотиться в непосредственной близости от «гнездовища». Ее коллеги и единомышленники пока не подозревают о «невинных шалостях» сестры, и нам повезло, что мне вовремя удалось ее перехватить, ибо на очередной «покаленной исповеди», которая начнется через десять минут в помещении районной картинной галереи, она непременно поведала бы о своих проделках, и, как следствие, Твари перекочевали бы в другое место. Итак, коллеги, наша задача – незаметно подобраться к означенной галерее и постараться захватить всех членов банды, по возможности живьем. Поскольку это не банальные боевики-террористы, прошу присутствующих соблюдать необходимые меры предосторожности. Во время операции действуем следующим образом: я, капитан Силаева и лейтенант Мокуров входим внутрь, остальные блокируют здание снаружи. Далее ориентируемся по обстановке. Вопросы есть?

Вопросов не появилось, поскольку каждый из бойцов ОСО прекрасно знал, как это – «ориентироваться по обстановке», и наша небольшая группа рванула гуськом вдоль берега реки Серебрянки по уже пройденному мной маршруту, только в обратную сторону. Проходя мимо трех знакомых мне молодцов, я не без радости отметил, что с ребятами ничего плохого не случилось. Они были предельно увлечены процессом поглощения свежеприготовленной ухи под охлажденную в реке водочку и в нашу сторону даже не повернули голов. Не то чтобы они были нелюбознательными молодыми людьми, просто от греха подальше мне пришлось отвести им глаза.

Так или иначе нам удалось без каких-либо приключений добраться до здания картинной галереи Златогрива, располагавшегося на центральной площади города в бывшем Дворце пионеров. Миновав тенистую парковую зону, отгораживавшую картинную галерею от обычной городской суматохи и бензинового смрада, мы подошли к двухэтажному строению, вполне типичному для этих мест: первый этаж из кирпича, второй – бревенчатый. Маленькие окошки с резными наличниками, в палисаднике пышные клумбы сочной зелени и ярких цветов. Вряд ли кому-то в здравом уме может прийти кошунственная мысль, что именно в этом доме в данный момент идет закрытое собрание местной ячейки «диких магов» – безжалостных вампиров, в отличие от своих мифических собратьев черпающих духовное и телесное могущество не путем поглощения человеческой крови, а питаюсь душами людей, точнее их жизненной силой.

По большому счету, все чародейское племя Земли – своего рода вампиры, только в отличие от «диких» мы не отнимаем у людей силой то, что принадлежит им по праву, а бережно собираем и утилизируем все, что они сами бездумно разбазаривают в войнах, во время спортивных ристалищ, в молельных домах и даже у экранов своих компьютеров. Вообще-то сравнение с вампирами в данном случае не очень корректно, скорее, мы – пастыри, оберегающие свою паству от пожирающих души Тварей, а также от иных напастей, а в первую очередь – каждого подопечного от самого себя и осторожно подталкивающие развитие общества в ЕДИНСТВЕННО ПРАВИЛЬНОМ направлении. Вообще-то с некоторых

пор кое-кто из нас, в том числе мой Учитель, и даже сам Великий Князь, начали сомневаться в непрерываемой истинности выбранного направления, но на эту тему лучше публично не распространяться.

Как и договаривались, я, Вероника и лейтенант подошли ко входной двери, на которой белел стандартный лист писчей бумаги с надписью: «Учет». Для всякого законопослушного россиянина данное объявление послужило бы убедительным поводом отворотить стопы от храма культуры и посетить еще какое-нибудь цивилизованное заведение, например ближайшую рюмочную или пивную. Но мы-то хоть и были россиянами, но не совсем законопослушными, поскольку в данном случае закон лишь помешал бы нам осуществить наш гражданский долг по защите невинных граждан от посягательства других, не законопослушных граждан.

Дверь оказалась на замке, но лейтенант лишь ухмыльнулся и без помощи магии, посредством хитроумно загнутого куска тонкой сталистой проволоки в считанные мгновения справился с преградой. Я уважительно посмотрел на умельца и не без зависти сказал:

– Нехило, лейтенант, с такими талантами и магия не нужна.

Стараясь производить как можно меньше шума, мы направились в глубь здания. Почерпнутая из прелестной головки плененной мной Владиславы Викторовны информация с большой степенью достоверности позволяла предположить, что сходка «диких» состоится в главном зале картинной галереи. Втроем мы вполне способны справиться с пятеркой «птенцов», а также их гуру. К тому же все выходы из здания перекрыты тремя офицерами ОСО. Получается – местное «гнездовище» обречено на разорение. Весь вопрос заключался в том, скольких «диких» нам удастся взять живыми? Неплохо бы изловить главного, но на столь головокружительную удачу вряд ли стоит заранее раскатывать губу.

Тщательно маскируя собственные ауры, мы осторожно подобрались к двери, ведущей в интересующее нас помещение. Далеко идти не пришлось, от входа в здание выставочный зал отделял достаточно широкий недлинный коридор и холл с небольшой раздевалкой для посетителей. То ли по причине теплого времени года, то ли по случаю так называемого учета, но гардеробщицы на месте не оказалось.

За неплотно прикрытой филенчатой дверью явственно различались мужские и женские голоса, точнее, слаженное, довольно мелодичное бормотание.

Я осторожно приоткрыл дверь, заглянул внутрь помещения и замер с отвисшей от удивления нижней челюстью. Обстановка внутри главного выставочного зала картинной галереи скорее напоминала некое таинство древних каббалистов или закрытой секты чернокнижников. Вдоль стен на полу были расставлены горящие свечи. Посреди просторной комнаты багровела, подобно огненным лезвиям мечей звездных рыцарей – джедаев, пятилучевая звезда, только что не издавала характерного звука основательно перегруженного трансформатора. У вершины каждого луча пентаграммы прямо на полу в позе лотоса сидело по человеку: трое мужчин и две женщины. Все были молодыми людьми примерно моего возраста. Выпучив от усердия глаза, они дружно пялились в центр огненной звезды, где примерно в полуметре от пола в той же позе лотоса парил еще один человек. Не вызывало сомнения, что именно он и был предводителем местной «дикой» братии, иначе говоря, Главной Тварью.

Это был мужчина субтильной наружности, на вид лет сорока пяти – пятидесяти. Внешне ничем не примечательный. Чисто выбритое лицо, глаза темные, глубоко посаженные, нос большой, слегка кривоватый. Он был облачен в темно-серый костюм, светлую рубашку, на шее серый в полоску галстук, на ногах черные лакированные ботинки. Этот тип мог быть начальником цеха на местном ткацком производстве, учителем средней школы, провинциальным адвокатом или еще кем-нибудь, чья деятельность не связана с грязным и требующим больших физических затрат трудом. Он ничуть не походил на классического

гуру, хотя каждый из нашей троицы прекрасно осознавал, что именно этот тип в данный момент представляет наибольшую опасность.

Я сделал знак сопровождавшей меня парочке приступить к началу захвата, затем резко распахнул дверь на себя и влетел в комнату, активируя по ходу дела всеобщее парализующее заклинание. Вообще-то я не особенно надеялся завалить сразу всех шестерых – все-таки маги, и насчет защиты наверняка позаботились, но не огненным же их шаром или молнией – вокруг картины, расписные шкатулки, гобелены и прочие экспонаты, созданные руками местных умельцев, жалко, если все это полыхнет. Более всего я надеялся на фактор неожиданности, крепость мышц и отточенные в процессе изнурительных тренировок до автоматизма рефлексy.

Действительно, заклинание мое, иже с ним волшебство моих коллег разбилось о невидимый защитный полог, разверстый над шестеркой колдующих чародеев. Тоже неплохо – внимание и часть сил противника отвлечены на восстановление защитных чар. Теперь следовало ожидать ответной атаки Тварей. Я рассчитывал, что все шестеро тут же вскочат с насиженных мест и попытаются задавить нас числом и – как, вероятно, они считают – умением. Но ничего подобного не случилось. Вместо того чтобы броситься на нас всем гуртом, молодые люди начали закатывать глаза и валиться замертво. Лишь их гуру продолжал висеть в центре пентаграммы.

Поначалу я не понял, что он делает, но, перейдя в экстрасенсорный режим восприятия, увидел, как из пяти юных адептов бурным потоком истекает жизненная сила и устремляется к центру пылающей звезды. Вот это да! Главная Тварь даже не попыталась хоть как-то защитить своих любимых «птенцов», она попросту высосала их без остатка и, кажется, собирается смыться отсюда, так и не приняв наш вызов. Сделать последнее умозаключение не составило особого труда, поскольку вокруг седоватого брюнета возникло голубое свечение. Если ему сейчас же не помешать, через пару секунд он исчезнет, чтобы материализоваться в сотне, а может быть, и в тысяче километров от Златогрива. Подобного исхода допустить было никак нельзя, поскольку избежавшая поимки Тварь продолжит свое черное дело в другом месте. Мне ничего не оставалось делать, как метнуть в висящую над полом в окружении огненных линий фигуру файербол размером с футбольный мяч.

Похоже, подобные мысли пришли в голову не только мне, но и моим коллегам – еще парочка точно таких же огненных шаров помчалась к центру пентаграммы.

У нас получилось. Невидимая защитная преграда была сметена, и наши снаряды разом ударили в босса местной «дикий» мафии. Ударили и... погасли. Поначалу я подумал, что хитроумный маг применил какое-то персональное защитное заклинание, но вскоре понял, что наш коллективный удар достиг цели, просто большая часть энергии файерболов была поглощена пространственно-временной воронкой, через которую так неучтиво по отношению к гостям собирался смыться «вождь краснокожих».

Что происходит при наложении друг на друга нескольких, даже самых безобидных заклинаний, ни мне, ни моим коллегам из ОСО объяснить не было нужды. Поэтому мы не стали дожидаться результата и, быстро подхватив на руки тела учеников, брошенных на произвол судьбы своим учителем, поспешили покинуть помещение. Мне досталась парочка крепких парней, лейтенант Мокуров подхватил девчонок, капитану Силаевой пришлось тащить долговязого детину, коего она без особых усилий закинула на плечо.

Офицеры ОСО выскочили первыми, я слегка замешкался со своей неудобной ношей. Находясь у двери, краем глаза отметил, что в центре пентаграммы, как весенний лед на реке, начал ломаться паркетный пол, а из причудливых трещин весело повалило нечто, напоминающее расплавленную вулканическую лаву. Тело не успевшего ускользнуть от возмездия мага ярко вспыхнуло и в считанные мгновения осыпалось горсткой пепла. В спину мне пах-

нуло таким невыносимым жаром, что я тут же рванул из обреченного здания со всей возможной скоростью.

Когда, преодолев коридор, я выскочил на свежий воздух, здание районной картинной галереи было практически целиком охвачено пламенем. Хорошо, что оно стояло особняком от прочих строений, иначе при такой жарнице пожар непременно перекинулся бы на соседние дома.

К нам тут же подбежали поджидавшие нас парни из ОСО и без лишних расспросов помогли оттащить бездыханные тела от горящего здания.

После того как Твари (теперь просто пострадавшие) были аккуратно уложены на травке под раскидистой липой, особисты приступили к реанимационным мероприятиям, а я вытащил мобильник и набрал номер координационного центра. Снова на связь вышла Клара.

– Докладывай, Савушкин! – в своей обычной манере приказала магиня.

На этот раз я не стал заигрывать с барышней, а конкретно, без лишних подробностей описал сложившуюся ситуацию:

– Клара, «гнездо» уничтожено. Главный погиб. Здание местной картинной галереи в огне. У нас на руках пять реальных мертвяков. Ребята из ОСО пытаются их оживить, но все равно нужна бригада квалифицированных врачей. Подробности при встрече.

– Хорошо, – ледяным тоном проронила она, будто отшивала очередного кандидата, жаждущего лишить ее невинности, – ждите, через десять минут прибудет оперативная бригада квалифицированных реаниматологов. – В конце разговора Клара все-таки снизошла: – Савушкин, с тобой... и прочими ребятами все в порядке?

Вообще-то ее вопрос был избыточным – если бы что-нибудь случилось, я бы непременно ей доложил. Похоже, мои воистину титанические усилия хоть чуть-чуть понравятся этой «холоднокровной рептилии» начинают потихоньку приносить долгожданные плоды. Не то чтобы девушка уж очень мне нравилась, но провести вечерок-другой я бы с ней не отказался. Да и утереть носы менее удачливым своим коллегам было бы очень даже приятно.

– Твоими молитвами, дорогая Клархен. – В «дорогая Клархен» мне удалось вложить столько сексуальной чувственности, сколько не под силу ни одной нашей самой сексапильной певичке, из тех, что даже гимн Российской Федерации умудряются петь с чувственным придыхом и кошачьими взвизгами.

На что девушка ничего не ответила и, по всей видимости, застеснявшись своей мимолетной слабости, буркнула в «трубу» перед тем как вырубить связь:

– Ну все, Савушкин, хватит сантиментов! Ждите, помощь на подходе.

Мое «Иесс, сэр!» так и не достигло ушей мымы. А в точно назначенный Кларой срок (за что я ее очень уважаю) к догорающему зданию районной картинной галереи подкатил с виду обычный «пазик», с избыточной по всем нормам, установленным российской ГИБДД, тонировкой стекол. К тому времени реанимационные потуги офицеров ОСО практически увенчались успехом. Мертвые воскресли и начали подавать слабые, но заметные даже не вооруженным стетоскопом, тонометром, градусником и прочими орудиями медицинских пыток глазом. Облаченные в синие халаты могучие ребята-реаниматологи оперативно забросили тела внутрь автобуса и без лишних разговоров отчалили в неведомом направлении.

Что касается меня и пятерых офицеров Службы Обеспечения, мы душевно попрощались. Любезное предложение капитана Силаевой подбросить на леталке до Москвы я вежливо отклонил. После чего ребята направились к месту нашей первоначальной встречи, а я – к оставленному неподалеку своему любимому четырехколесному чудовищу, именуемому «Smart Track-X».

Когда я выходил из-под тени раскидистых лип, откуда-то со стороны послышались громкие гудки пожарных машин. Могли бы и вовсе не приезжать. От здания картинной галереи практически ничего не осталось, а то, что осталось, не представляло никакой материальной ценности. Все произошло настолько быстро, что более или менее солидная толпа зевак подоспела лишь к финальному акту огненного шоу.

«Жалко картин», – подумал я. Пару-тройку пейзажей я бы не побрезговал повесить в своей гостиной, но тут уж ничего не смог бы поделаться даже мой уважаемый Учитель. Да что там Учитель?! Сам Великий Князь вряд ли смог бы остановить резонансную волну, ставшую причиной столь сильного бедствия.

Через десять минут, осушив пару кружек холодного бочкового кваса, я подходил к месту стоянки своего автомобиля.

«А эта Владислава Викторовна Селезнева, – неожиданно для себя подумал я, поворачивая ключ в замке зажигания, – ничего так деваха. После корректировки личности неплохо бы с ней повидаться. Подкатить, как бы для обмена опытом, – я с улыбкой вспомнил ее неудачную попытку махания ногами, – мол, откуда такие приемчики знает, в каком Шаолине стажировалась?..»

Могучий мотор привычно ровно заурчал. Автомобиль тронулся с места и начал потихоньку выкатывать на трассу, ведущую в направлении шоссе Москва – Киев.

Глава 2

Девять часов утра. На небе ни облачка. Несмотря на довольно ранний час, дневное светило жарит на всю катушку. Разогретые солнечными лучами стволы и кроны вековых сосен благоухают смолой и хвоей. По ветвям деревьев снуют туда-сюда любопытные белки. Откуда-то из глубины соснового бора доносится мерная дробь труженика-дятла. Повсюду громкий птичий гомон, навязчивый звон комаров и стрекот кузнечиков. От лениво текущей воды исходит непередаваемый запах речной свежести. Время от времени раздается шумный плеск и на водной глади появляются быстро разбегающиеся от центра к периферии круги.

Вдоль берега Москвы-реки прогуливаются двое: высокий седой старец с бородой до пояса и мужчина на вид лет сорока – сорока пяти, среднего роста, крепкого телосложения, с бритой наголо круглой головой. На том, что помоложе, светлые джинсы и футболка с портретом товарища Че и надписью «El pueblo unido, jamás sera vencido»¹ и легкие сандалии на босу ногу. Старик был облачен в индигового цвета халат, безупречно белую косоворотку, просторные шаровары и сапоги с загнутыми носами. Лысого крепыша зовут Иван Николаевич Смирнов – Великий Князь, Верховный Владыка Восточноевропейского и Североазиатского регионального отделения Братства Посвященных. Пожилой при знакомстве представился просто Магом и просил называть себя именно так, без всяких «церемониальных выкрутасов». Первый был землянином, второй сутки назад прибыл из загадочного Межмирья. Владыке немногим больше тысячи лет, гость как минимум в два раза старше. По этой причине Иван Николаевич чувствовал себя в присутствии иномирянина немного скованно.

– А все-таки хорошо у вас здесь, Иван Николаевич. Благодать и лепота. – Старик наклонился к земле, подобрал подходящий камушек, размахнулся и совсем по-мальчишески бросил в реку. Камень весело поскакал по поверхности воды и утонул, лишь немного не достигнув противоположного берега. – А эти сосны! Просто чудо! Дух от них животворящий.

– Полноте, ваша милость господин Маг, – улыбнулся в ответ Иван Николаевич. – Обычный сосновый бор. Я более чем уверен, что во время своих путешествий вам доводилось посещать места намного привлекательнее, чем это.

– Уверяю вас, – старик обвел окружающие красоты по-хозяйски цепким взглядом, – подобной лепотищи в моей коллекции ландшафтов пока нет. Ничего, дело поправимое.

– Коллекция ландшафтов? – недоуменно уставился на гостя Владыка.

– Ах да! Вы же не в курсе наших тамошних реалий. Дело в том, что всякий уважающий себя чародей, достигший определенного уровня мастерства, непременно обустроивает себе комфортное жилище. С виду это обычная башня из кирпича или даже дикого камня, сравнительно небольшая. Однако внутри всяк обставляется с присущим ему вкусом и помещает туда пару-тройку изолированных от внешнего мира и друг от друга локаций, иначе говоря, пространственных объемов со скопированными с натуры ландшафтами. Большинство ограничивается фрагментом морского побережья, чтобы поплавать и порыбачить; участком дикого леса, чтобы поохотиться; а также удобными для сельскохозяйственной деятельности угодьями, чтобы всегда иметь на столе натуральную здоровую еду. Как видите, ничего лишнего. Лишь я увлекаюсь собирательством. У меня больше тысячи разнообразнейших микровселенных, большинство, между прочим, населено разумными существами. Коллеги иногда подсмеиваются надо мной, мол, совсем старик сбрендил, заблудится когда-нибудь в своих мирах и сгинет. К этой возне за своей спиной я отношусь спокойно. Пусть болтают что хотят, но этот свой эксперимент я все-таки постараюсь довести до конца. –

---

¹ Единый народ никогда не будет побежден (*исп.*). Строчка из популярной песни чилийского поэта и композитора Серхио Ортеги стала символом борьбы за демократию сначала в Чили, а затем и во всем мире.

Иван Николаевич с любопытством взглянул на собеседника. – Ну да, откуда же вам знать? – еще шире заулыбался гость. – Видите ли, я ставлю грандиозный опыт, должный либо доказать, либо опровергнуть распространенную в Межмирье теорию о грядущем слиянии разумных рас в некий единый конгломерат. – Он взлохматил свою седую шевелюру и с азартом увлеченного человека принялся объяснять Владыке суть своей задумки: – Я собрал в своей башне представителей практически всех разумных рас Межмирья и позволил им без помех общаться друг с другом. Хочу посмотреть, чем все это закончится. Вообще-то они у меня смиренные – не воюют, только торгуют и в гости друг к другу ходят.

– Удивительно! – восторженно воскликнул хозяин. После чего спросил: – Позвольте узнать, каковы по размеру эти ваши локации?

– Самые разные: для людей – примерно с вашу Германию или Францию, для эгейлов – немногим меньше, фолдингам вообще хватает одного лишь горного хребта, чтобы там было побольше всяких полезных ископаемых. Короче говоря, стараюсь, чтобы разумные существа в моем мире не чувствовали себя в стесненных условиях. Но при всем при этом не лезу в их дела. Надеюсь, когда-нибудь наступит день, и я с великой радостью соединю все локации в единый мир...

«Великий идеалист, – подумал про себя Владыка, – мне такое никогда бы не пришло в голову. Но все-таки каков потенциал!.. Тысяча локаций! Сколько же народищу там обитает?! Должно быть, никак не меньше, чем на Земле. Удивительно, один человек владеет всем этим многолюдьем и не делает никаких попыток вмешательства в управление столь необычным конгломератом!»

– Но до этого еще очень далеко, – продолжал увлеченно объяснять Маг. – Эксперимент практически в самом своем начале. Народишко только-только освоился в своих микромирах и едва лишь начал налаживать внешние торговые сношения.

Иван Николаевич скептически хмыкнул и не удержался от ироничного замечания:

– Ничего, скоро воевать станут друг с другом, вот тогда-то и начнется это ваше Слияние. А знаете, чем оно закончится?

– И чем же? – старик с интересом воззрился на Великого Князя.

– Вселенской бойней и поглощением слабых более сильными, а то и вовсе тотальным уничтожением многих разумных рас. Или в ваших подопечных толерантность и отсутствие ксенофобии внедрены на генетическом уровне?

– Да нет, все как обычно: ламии терпеть не могут демлаев, демлаи не переваривают на дух эгейлов и стрампов, люди с опаской и подозрительностью относятся даже к соплеменникам из других локаций, не говоря об инородцах. Но я все-таки надеюсь, что взаимное недоверие и подозрительность со временем исчезнут. А насчет вооруженных конфликтов, я таких попросту не допущу.

– Вот видите?! – Князь удовлетворенно потер ладошки. – Свободу выбора вы им не оставляете. В таком случае лучше сразу распускайте вашу ассамблею – ничего путного из этой затеи не выйдет.

– Это почему же? – Маг с интересом посмотрел на неожиданного оппонента.

– А потому, что союзы изначально появляются не просто так, а против кого-то. Нет врага, нет союзов. Возьмите, к примеру, наших европейцев. Хотят создать экономический союз. Границы убрали, единую валюту ввели, пытаются общее правительство организовать. И знаете, чем все закончится?

– И чем же?

– В один прекрасный момент трудолюбивые немцы, датчане, голландцы и прочие так называемые благополучные народы откажутся субсидировать отсталые экономики застрявшей в позапрошлом веке Румынии, заикленной на национализме Прибалтики, ленивой Гре-

ции, праздной Испании и прочих бедных родственников. Впрочем, вы тут человек новый и вряд ли имеете какое-либо представление о делах земных.

Старик негромко хмыкнул и весело посмотрел на хозяина.

– Вообще-то, дорогой мой Иван Николаевич, первый раз я попал в ваш мир пять веков тому назад. Какое-то время путешествовал, пока ваши... гм... коллеги не взяли меня в оборот.

– А как бы вы поступили на нашем месте, господин Летучий Голландец? Сначала вас приняли за так называемого дикого мага, но постепенно разобрались. Вы даже представить себе не можете, как перепугались патриархи и тогдашний Архонт, узнав, что по Земле беспрепятственно разгуливает иномирянин. Дело в том, что история о гибели Атлантиды для нас, магов, страшилка похлеще Всемирного потопа и грядущего Апокалипсиса. Кстати, ваше появление заставило предыдущего Владыку Владык надеть массу глупостей, что в конечном итоге привело к его смещению и приходу к власти Закария бен Варнавы. Таким образом, нынешний Архонт именно вам обязан своим восхождением на престол.

– Хорошо же он отблагодарил своего благодетеля, – весело оскалился Маг. – Стоит мне только появиться на Земле, и его сатрапы тут как тут. Мало, что магией норовили прищучить, так вдобавок пищалями и пушками, затем танками, самолетами и ракетами, а в последний раз и вовсе ядерное оружие противу немощного старика пытались использовать.

– Наслышаны, наслышаны про ваши подвиги. – Великий Князь покачал головой, мол, приbedняйся, приbedняйся, «немощный старик», знаем мы вас. – Смею напомнить, как вы разделили в пух и перья Первую танковую дивизию СС Йоахима Пайпера в Арденнах.

– А нечего было на меня переть. Воевал бы себе с американцами и не лез куда не следует. К тому же отъявленный негодяй был этот ваш Пайпер. Где это видано, пленных расстреливать?! – ответил Маг и тут же парировал: – А сами-то... Как только рука поднялась стереть с лица земли прекрасный Дрезден, кучу народишка безвинного угробить? Плохо работаете, уважаемые, к тому моменту, как первый фугас упал на Theaterplatz², меня там уже не было целые сутки.

Иван Николаевич ничуть не смутился.

– Вообще-то упрек не по адресу. Американцы тогда облажались. Торопились отрапортовать Архонту о вашей гибели. Получился конфуз...

– Вообще-то конфуз ценой в сто тридцать тысяч человеческих жизней – это скорее преступление, – грозно сверкнул глазами Маг.

– Полностью согласен с вашей милостью, – физиономия Князя мгновенно приобрела серьезное выражение. – Носится Архонт с этими янки, потому как в тамошнем заморском Братстве все сплошь Ароны, Моисеи, Исааки и Давиды. Изобрели доллар, корчат из себя гениальных экономистов, суки, и доят с его помощью весь остальной мир! И попробуй только вякни против подобного беспредела – Архонт тут же на место поставит, мол, так нужно. А сам не понимает, что дальнейшее попустительство чревато последствиями, по сравнению с которыми вторжение банды этих ваших Архангелов покажется безобидной ребяческой забавой.

– Успокойтесь, друг мой, – гость посмотрел сочувственно на землянина. – И постарайтесь все-таки быть объективным. Благодаря именно этим Аронам, Моисеям и прочим сынам иудейского народа цивилизация на Земле вырвалась из тьмы невежества и варварства. Если бы не Ньютоны, Опенгеймеры, Эйнштейны, Марксы, Фрейды и прочие Мендели, человечество до сих пор прозябало бы в веке эдак четырнадцатом от Рождества Христова.

– Полная ерунда! – Владыка резко взмахнул рукой в полемическом запале. – Плотная опека со стороны ближайшего окружения Архонта и, выражаясь современным языком,

---

² Театральная площадь, исторический центр Дрездена.

своевременный «слив» информации в нужные руки – вовсе не признак тотальной гениальности и превосходства еврейской нации над всеми прочими народами, что бы там ни возомнили о себе сами иудеи. Возьмем, к примеру, наших новоявленных олигархов и прочую «элиту». Там ведь сплошь Иосифы, Давиды и Моисеи. В свое время им было ниспослано знание, якобы от Бога, и они, как заведенные роботы, стали следовать полученным инструкциям. В результате огромные богатства, нажитые непосильным многолетним трудом миллионов людей, оказались в жадных лапах ограниченной кучки «избранных». А великую нацию, сдерживавшую натиск оголтелого сионизма на протяжении целого тысячелетия, втоптали в грязь, довели до позорного нищенского состояния, толкнули на грань полного вырождения. И самое страшное, что я – Великий Князь, призванный защищать и оберегать эту землю и народы, ее населяющие, не могу пошевелить пальцем, чтобы прекратить этот беспредел. А если чего и предпринимаем, так с оглядкой, осторожно, чтобы сатрапы Архонта не пронюхали и не доложили кому следует.

Маг весело посмотрел на разошедшегося не на шутку Владыку.

– А вы не антисемит ли часом, уважаемый Князь, или этот... ну как его... юдофоб?

– Ну что вы, милостивый государь, – Владыка отрицательно замотал головой. – Не бывает наций плохих и хороших, как бы там некоторые ни кичились своими корнями и своей богоизбранностью. Евреев я очень даже уважаю за старательность, аккуратность в делах и целеустремленность. Но ведь может получиться так, как часто происходит в многодетных семьях. Приласкала мамка любимого сыночка, конфетку втайне от других в ручку сунула, а прочим детишкам в ласке отказала и сладостями обделила. А теперь представьте, что произойдет, когда мать отлучится из дома.

– Чего уж тут представлять, – ухмыльнулся Маг, – отделают парня за милую душу, чтобы в следующий раз держался подальше от маменьки и ее ласк.

– Во-во, и я о том же. Только вместо подзатыльников и зуботычин на «обласканное чадо» в нашем случае обрушится ядерный шквал. Вновь евреев станут загонять в позорные гетто и концлагеря, а на спине и груди начнут писать букву «J». И все из-за того, что один великий человек на земле питал банальную слабость к своим бывшим соотечественникам и, как слепая в своем эгоизме мать, делал все, чтобы им жилось как можно слаще за счет «прочих своих деток». И ничего с этим не поделаешь. Приходится терпеть. Хоть и не мешало бы кое-что поменять в этом мире, хотя бы ради блага самих же евреев.

Тем временем мужчины подошли к деревянной беседке, расположенной на небольшой возвышенности в десятке метров от воды. Это, с позволения сказать, строение, в отличие от прочих зданий резиденции Великого Князя, не отличалось вычурностью или какой-то особенной изюминкой. Шесть врытых в землю круглых столбов. Крытая поседевшей от времени дранкой крыша-навес. Промежутки между столбами забраны деревянными решетками. Решетчатые стены плотно увиты плющом и хмелем. Некоторые плети умудрились добраться до самого верха крыши. Внутри на дощатом полу два удобных плетеных кресла и стол, уставленный самыми разнообразными напитками, вазами с легкими закусками, сладостями и свежими фруктами.

Владыка широким жестом пригласил гостя к столу, и вместе они проследовали внутрь беседки. Маг попросил налить ему легкого сухого вина, Иван Николаевич, несмотря на довольно ранний час, предпочел армянский коньяк. Чокнулись бокалами по русскому обычаю и по настоянию хозяина выпили за здоровье гостя. Ранняя прогулка на свежем воздухе в достаточной степени стимулировала аппетит обоих мужчин, и они основательно закусили бутербродами с черной и красной икрой и восхитительной кулебякой с начинкой из севрюги и осетрины. В самом конце трапезы, как по мановению волшебной палочки, все лишнее со стола исчезло, а вместо этого появились две дымящиеся чашки свежесваренного крепкого кофе. За завтраком разговаривали о разных пустяках, лишь, отхлебнув глоток восхититель-

ного напитка, Маг зажмурился от удовольствия и наконец вернулся к прерванному разговору:

– Так вы его, Иван Николаевич, на честную дуэль вызовите. Я имею в виду Архонта вашего Закария. У нас именно так разбираются между собой маги. Выберут какой-нибудь непригодный для жизни мирок и валтузят друг дружку до тех пор, пока один из них не отдаст богу душу. Вообще-то бывает, что погибают оба.

– Не прокатит, – не скрывая огорчения, сказал Князь и пояснил: – У нас дуэли между магами, конечно же, случаются. Тут как-то на подведомственной мне территории двое Владык Тунгусское событие учудили – видите ли, бабу не поделили. Бывает, по пьяни некоторые удалую своей молодецкой друг перед другом похваляются. Американцы – большие спецы ураганы вызывать. Своим-то подопечным я не очень позволяю с природными стихиями баловать, однако и мои время от времени такое отчебучат, что потом приходится всем кагалом расхлебывать. Про Чернобыльскую аварию слышали? – На что Маг недоуменно пожал плечами и вопросительно посмотрел на собеседника. – Было дело такое почти четверть века назад, сунул нос в атомный реактор один любопытный товарищ из наших, а в результате тепловой взрыв – благо не ядерный – и тысячи тонн радионуклидов свалились на головы моим несчастным соотечественникам. До сих пор расхлебываем. Вообще-то я подозреваю, что к трагедии приложил руку сам Великий Архонт. А может быть, кто-то из региональных Владык – под меня копал. Жаль, того придурка развеяло на атомы, теперь что-либо толком узнать нет никакой возможности...

– И все-таки почему нельзя вызвать на честную дуэль Архонта? – гость не очень вежливо перевел беседу в конструктивное русло.

– Простите, ваша милость, – смущенно пробормотал Владыка, – слегка отвлекся. Видите ли, в силу некоторых обстоятельств Архонт никогда не поднимет брошенную ему перчатку – уж очень дорожит он собственным здоровьем и своим положением. Единственная битва, в которой он поучаствовал пару тысячелетий тому назад, напугала его так, что он до сих пор весь трясется при одной мысли, что его драгоценная жизнь могла прерваться по прихоти какого-нибудь римского легионера. Не воин он, а хитрожопый интриган. Но самое главное, по причине своей патологической боязни смерти он прячется от всего мира, и никто не знает, где он вообще находится. Видите ли, с момента его восшествия на земной престол никто из иерархов не видел Архонта воочию в телесном облике.

– Вот это да! – не удержался от громкого восклицания Маг. – И как же вы общаетесь? Хотя, – старик взмахнул рукой, – позвольте догадаться. Думаю, он является к вам в образе фантомной сущности. М-да, смахивает на паранойю или еще какое психическое заболевание.

– Перестарался он со своим предшественником, – угрюмо проворчал Иван Николаевич, – сам отравил и сам же присутствовал при нем, пока тот умирал, – лечил якобы. Вот и насмотрелся, и наслушался всякого в адрес «неведомого» отравителя. К тому же ваша милость то в одной точке планеты появится, то в другой.

– Меня-то вам чего бояться? – недоуменно пожал плечами гость. – Ну, путешествует человек себе по вашему миру, ну, интересуется достижениями вашей цивилизации. Кстати, ваша поэзия – просто чудо. Скажу по секрету: кладезь заклинаний. Послушайте, к примеру, вот это:

*Выпала роса,
И на всех колючках терна —
Капельки висят³.*

---

³ Бусон.

Вы не поверите, но эта хокку – суть готовая к применению формула вызова дождя, причем даже в пустыне при минимальном содержании водяных паров в атмосфере. Или вот это:

*Но немеет тотчас язык, под кожей
Быстро легкий жар пробегает, смотрят,
Ничего не видя, глаза, в ушах же —
Звон непрерывный.
Потом жарким я обливаюсь, дрожью
Члены все охвачены, зеленее
Становлюсь травы, и вот-вот как будто
С жизнью прощусь я⁴.*

Чудесно, не находите ли? Вербальная формула абсолютного подчинения, и выдумывать ничего не нужно. – Неожиданно Маг замолчал и после небольшой паузы смущенно произнес: – Извините, я, кажется, немного увлекся. Ваши принципы трансцендентных построений слегка отличаются от тех, что применяются в наших мирах.

– Знамо дело, – не удержался от подковырки Владыка, – вы там у себя жируете, пространственные локации из ничего создаете, а мы здесь вынуждены ограничиваться жалкими крохами магии.

– Именно в этом и достоинство вашего мира, – тут же парировал Маг. – Представьте, Земля была бы банальным магическим мирком в сонном царстве-государстве под названием Межмирье. Кругом маги или простые обыватели без искры божьей в душе. Ни тебе технических штучек, ни достойных художественных творений, ни всяких там головокружительных проектов по орошению Сахары или пустыни Гоби, осушению Васюганских болот или освоению Луны с целью разработки запасов гелия-3.

– Полная чушь, уважаемый, никакого гелия-3 на Луне нет. Все это очередной околонаучный бред некоторых популяризаторов от науки. Вы даже представить себе не можете, сколько псевдоученых, уфологов, экстрасенсов и прочих ловкачей живет, и неплохо живет, за счет всяких там сенсаций. Откровенно говоря, очень часто нам это бывает на руку, а иногда мы сами провоцируем разного рода слухи. К примеру, байки об НЛО и инопланетянах, якобы наблюдающих за ходом развития человеческой цивилизации, нам здорово помогают маскировать истинную сущность так называемых неопознанных летающих объектов. Мы даже пожертвовали несколькими своими летательными аппаратами и смастерили более или менее правдоподобные биоконструкты тел «инопланетян». Главное, чтобы люди не скумекали, где на самом деле искать этих самых «инопланетян». А знаете ли, от народишка нашего всякого можно ожидать. Как вы думаете, почему в Европе среднестатистическая женщина намного страшнее нашей русской бабы?

Маг широко улыбнулся и недоуменно развел руками:

– Просветите, коллега, будьте добры.

– А все оттого, что всех своих красивых женщин там объявили ведьмами и сожгли или утопили еще в Средние века. Причина – целибат католических священнослужителей. Завидно им было, что такие симпатяшки вокруг аппетитными титьками трясут и белыми ляхами сверкают. Вот те из-за вредности и чтобы «сперма на уши не давила» и решили извести всех более или менее симпатичных девок и оставить только страшненьких. А у нас, у

---

⁴ Сафо, перевод Вересаева.

православных, с этим делом все было нормально – попам дозволялось жениться и плодиться, поэтому красавиц никто не преследовал и не обвинял черт-те в чем.

На что старик громко рассмеялся, заелозил в кресле и, утирая ненароком выкатившуюся из глаза слезу, сказал:

– Неужели правда?

– Чистейшая, уважаемый, – вполне серьезно отвечал Иван Николаевич. – Благо Польша в те времена была под нашей юрисдикцией и мы не допустили столь вопиющего беспредела. Иначе сейчас хваленые полячки были бы ничуть не краше цыганистых итальянок, топорных немков, худосочных француженков и чопорных тонкогубых англичанков. А неблагодарные поляки ненавидят нашего брата, русского, и всякие необоснованные претензии предъявляют, мол, оккупанты, душители шляхетских вольностей и народной мысли!.. – Владыка в сердцах сплюнул на землю. – Это вместо того, чтобы выразить искреннюю мужскую благодарность за сохранение генофонда! – Великий Князь словно опомнился, тряхнул головой и, как-то резко успокоившись, сказал: – Извините, ваша милость, обидно, право, все в полном соответствии с расхожей пословицей: «Не делай людям добра, не получишь зла». Однако я пригласил вас в гости не для того, чтобы изливать душу. Я уже имел предварительный разговор с вашим учеником Ивэном...

– Простите, Князь, бывшим моим учеником.

– Хорошо, бывшим вашим учеником Ивэном Вериском. Содержание которого, я надеюсь, он передал вам.

– В общих чертах.

– В таком случае я официально обращаюсь к вашей милости за помощью. – При этих словах гордый Князь склонил голову перед гостем.

– Как я понимаю, вы хотите устранить действующего Архонта и сами занять его место, – не спрашивал – констатировал Маг.

– Не власти ради, не регалий для, – начал оправдываться смущенный прямою собеседника Владыка.

– Полноте, дорогой Иван Николаевич, – по-доброму заулыбался иномирянин, – ваше стремление в данном случае весьма похвально, ибо вы всемерно пытаетесь устранить опасность, нависшую не только над этим миром, но и над многими иными мирами. А теперь давайте поближе к теме. Итак, вы хотите, чтобы я и мой бывший ученик оказали вам всемерную поддержку в поисках и физическом устранении интересующего вас лица. Не так ли?

– Вы его только найдите, ваша милость, – встрепенулся Иван Николаевич, – да укажите нам координаты. А уронить – как бы случайно – на его седую голову пару десятков мегатонн в тротиловом эквиваленте или дать по его логову залп из боевых лазеров с орбиты мы и сами в состоянии.

– Значит, наша задача состоит в том, чтобы заставить Архонта как-то показаться на люди, – негромко пробормотал себе под нос гость, обращаясь явно не к собеседнику, а просто так озвучивая собственную мысль.

Великий Князь не страдал тугоухостью и воспринял слова гостя как обращение к себе.

– Да, да, нам бы только определиться с его местонахождением, а там мы и сами что-нибудь придумаем.

– Как я понимаю, – не обратив никакого внимания на слова хозяина, продолжал рассуждать вслух Маг, – Архонт может находиться в любой точке Земли...

– Скорее в любой точке Солнечной системы, – заметил Владыка и пояснил: – Я и сам, что называется на всякий случай, имею несколько укромных «берлог», оборудованных со всем подобающим комфортом, на Луне, Марсе и на одном из крупных небесных тел Пояса Астероидов. Как-нибудь покажу вам свои владения.

– М-да, это существенно усложняет поиски искомого лица, – непроизвольно дернул себя за седой ус Маг. – Здесь необходимо крепко подумать.

На что Иван Николаевич не без иронии в голосе заявил:

– Мы здесь вот уже пару десятилетий думаем и ничего хорошего так и не придумали.

– И чего же вы такое надумали, уважаемый Князь?

– Да всяко-разно, – махнул рукой Владыка. – Даже вариант глобального конфликта нами рассматривался, но был отвергнут из-за реальной перспективы полного уничтожения человечества. Кстати, бывший Магистр Просвещенных – Верховный маг Северной Америки на этом сценарии погорел полсотни лет тому назад. Тоже пытался выяснить местоположение Архонта.

– А вторжение инопланетян вами не рассматривалось? – на полном серьезе поинтересовался Маг. – Представьте себе, на Землю высаживаются кровожадные монстры, пьют кровь людей...

– Ага, а потом разом умирают от СПИДа, подхваченного ими от наших славных наркоманов и педиков, – продолжил начатую мысль Владыка, затем с ехидцей в голосе спросил: – Вы часом не увлекались произведениями господина Герберта Уэллса?

– Не только увлекался, но был лично с ним знаком, – никак не отреагировав на явную подковырку хозяина, отвечал гость. – А идея насчет вторжения инопланетян, батенька, в нашем случае наиболее приемлемая. Вторжение из Межмирья, как вы сами понимаете, предполагает проведение боевых операций на самой Земле, а вот появление боевых звездолетов инопланетян в Солнечной системе этого не требует. Агрессия из космоса непременно заставит Архонта высунуть нос из подполья, хотя бы для того, чтобы мобилизовать Братство на борьбу с кровожадным захватчиком, личным примером, так сказать, вдохновить и прочее, прочее, прочее.

– Вообще-то план инопланетного вторжения уже давным-давно разработан нашими лучшими учеными умами, как вариант объединения народов Земли.

– Интересно, интересно, – Маг пристально посмотрел на землянина. – Если можно, об этом поподробнее.

– Было дело, во времена противостояния сверхдержав поднимался вопрос коренной перестройки человеческого общества. Предлагались различные варианты объединения человечества. Одним из таких вариантов было появление «чужих» в непосредственной близости от Земли. Лет пятьдесят «повоевали бы» с «захватчиками» и науку с техникой продвинули бы, и человечество сплотили бы против более реальной опасности, коей тогда считалось вероятное нападение ваших магов. Тогда эту идею не одобрили, а решили покончить с противостоянием, банально «опустив» одну из великих держав, благо, большинство необходимых условий для нанесения превентивного удара по Межмирию к тому времени было соблюдено. Оставалась лишь самая малость: захватить в плен одного из ваших залетных голубков и хорошенько выпотрошить его на предмет координатных привязок будущих бомбардировок. Каюсь, данная идея до последнего времени казалась и мне весьма привлекательной и вполне осуществимой.

– Так что же так кардинально поменяло ваше мнение? – Маг с еще большим интересом уставился на Владыку.

– Ивэн Вериск, бывший ваш ученик, – коротко ответил Великий Князь.

Маг весело улыбнулся и попытался пошутить:

– Я всегда знал, что мой мальчик обладает замечательным даром убеждения, но не мог предположить, что ему удастся переубедить такого зубра, как вы.

– Шутите, – нахмурился Иван Николаевич, – а зря. Этот мальчик произвел на меня крайне благоприятное впечатление еще до первой нашей встречи. Будучи в Лондоне, он предотвратил гибель многих невинных людей. А когда мы с ним летели в одном самолете,

он не пожалел ни сил, ни магии ради спасения пассажиров и экипажа воздушного судна, хотя, я более чем уверен, при вероятной авиакатастрофе сам вряд ли бы пострадал. Потом во время устроенной ему проверки я окончательно уяснил для себя, что вы, иномиряне, вовсе не кровожадные монстры, стремящиеся захватить наш мир. Ведь Ивэн, при его-то потенциале, вполне мог положить всех спецназовцев и опекавших его магов. Но он этого не сделал, более того, пожалел снайпера, целившегося в него с вертолета, хотя мог запросто отправить на тот свет.

При столь лестном упоминании об Ивэне Маг гордо нахохлился.

– Это, пожалуй, самый талантливый мой ученик, а их за две тысячи лет, уверяю вас, прошло через мои руки видимо-невидимо. А вы знаете, я его выкупил у родного папашки за пятьсот монет, что составляет всего-то полпуда золота.

– Крайне удачное вложение капитала. – Иван Николаевич не упустил момент сделать слегка завуалированный комплимент в адрес почетного гостя и тут же поспешил перевести разговор в интересующее его русло: – А насчет агрессивных инопланетян, я надеюсь, была всего лишь шутка?

– Отчего же, милостивый государь? – задорно сверкнул глазами Маг. – При сложившихся обстоятельствах только реальное вторжение противника, если не на саму Землю, хотя бы в пределы Солнечной системы, станет веской причиной для выхода вашего Архонта из тени, так сказать, под лучи софитов.

– Но как? – еле слышно промямлил Великий Князь.

– А как вы хотели убедить землян в реальности запланированного вами нападения инопланетной цивилизации? – вопросом на вопрос ответил иномирянин.

– Ну... здесь все очень даже просто, – собравшись с мыслями, начал объяснять Иван Николаевич, – изготовить вполне реальные муляжи кораблей «чужих», а также голографические иллюзии самих инопланетян не составило бы труда для наших спецов. Толика световых шумовых эффектов: массовое лазерное шоу в ночном небе, для вящего зрительского эффекта взрыв в космосе дюжины водородных бомб, атомная бомбардировка нескольких никому не нужных островов, на которые якобы пытались высадиться инопланетяне. Затем массовые пролеты «летающих тарелок» над крупными городами Земли. «Обстрел» инопланетянами из боевых излучателей отдельных районов Москвы, Пекина, Нью-Йорка и прочих столиц и крупных городов. И конечно же, регулярные репортажи о том, как наши доблестные военно-космические силы сдерживают натиск неисчислимых орд инопланетных захватчиков. Постепенно «военные действия» перемещаются куда-то за орбиту Юпитера. Земля зализывает раны. Непосредственная опасность нашей планете более не угрожает, хотя время от времени отдельным вражеским рейдерам удается прорваться к колыбели человечества, где их успешно уничтожают орбитальные станции и наземные лазерные установки. Пока наш космический флот громит на всех фронтах неприятеля, народы Земли перед лицом смертельной опасности объединяются в одну братскую семью и общими усилиями «куют оружие победы». Ради этой благой цели была даже разработана концепция новой религии или, если хотите, философии и еще бездна всяких мероприятий идеологического воздействия на массы. Короче говоря, в общих чертах, предполагался именно такой сценарий.

– Лихо закручено! – одобрительно воскликнул Маг. – С подобающим размахом и весьма убедительно! Пожалуй, и нам с вами следует перенять кое-что из этого замечательного плана, кроме, конечно, массированных ударов по крупным городам. Пусть наши НАСТОЯЩИЕ инопланетяне предъявят права на Луну, а еще лучше, предложат землянам стать подданными какого-нибудь Галактического Владыки. Как, вы думаете, отреагирует на это Верховный Архонт и с ним все магическое сообщество?

– Не потерпим, заклеим позором и дружно дадим отпор супостату! – не без толики показушного пафоса провозгласил Великий Князь. Затем добавил более спокойным тоном: –

Хоть эта Луна нам отродясь без надобности. Принцип важнее целесообразности. И конечно же, Архонт, как и подобает великому правителю, возглавит Светлые Силы в борьбе с инопланетной напастью... – Он замолчал и, пристально взглянув на гостя, спросил: – Идея отличная, но все-таки где вы собираетесь раздобыть этих самых «настоящих» инопланетян?

Маг ухмыльнулся и, подмигнув хитрым глазом землянину, пообещал:

– Будут вам инопланетяне, самые что ни на есть настоящие и ужасно жуткие на вид. Впрочем, себя-то они считают верхом совершенства, а людей – страшными уродами. Уважаемый Иван Николаевич, как я вам уже докладывал, в Межмирье проживает множество разнообразных рас. Уровень их социального, экономического, технического – скорее магопсевдотехнического – развития миров колеблется в самых широких пределах. Есть народы, буквально застрявшие на стадии первобытной общины, а есть вполне продвинутые цивилизации, достигшие на кораблях, напоминающих ваши «летающие тарелки» с магическим приводом, соседних планет и даже звезд. – Он потянулся к своей опустевшей чашке, которая тут же вновь наполнилась черным как смоль, благоухающим напитком. Сделав небольшой глоток, Маг зажмурился, как бы прислушиваясь к собственным ощущениям. Затем, одарив хозяина благожелательным взглядом, заговорил: – Как вы, наверное, уже догадались, Князь, для успешного проведения задуманной нами операции вполне сгодятся две-три дюжины подобных звездолетов.

От неожиданной новости хозяин едва не опрокинул содержимое своей чашки на светлый лик Че Гевары. Попытался что-то сказать, но лишь поперхнулся кофе и промычал нечто нечленораздельное. Однако тут же замолчал и заговорил лишь после того, как основательно прокашлялся:

– Но тем самым вы рассекретите местоположение Земли перед вашими же коллегами из Межмирья! К тому же...

– Не волнуйтесь, уважаемый, – поспешил успокоить хозяина гость, – режим секретности будет соблюден в полной мере. Нам нужно всего лишь закупить необходимое количество списанных, но вполне пригодных к использованию кораблей. Модернизировать их и укомплектовать квалифицированными экипажами из числа обитателей моих личных локаций. У меня, да будет вам известно, есть такие экземплярики, что у всякого неподготовленного человека при их появлении кровь стынет в жилах от ужаса и коленки начинают ходить ходуном.

– Но, ваша милость, – с сомнением в голосе заговорил Князь, – насколько я понимаю, у вас нет готовых космонавтов, астронавтов или как вы их сами называете, на подготовку могут уйти годы, а дело не терпит отлагательств, поскольку о моих связях с иномирянами Архонт может узнать довольно быстро. Любит он контролировать подопечных через тайных засланцев и агентов влияния. Сами понимаете, чем я рискую в этом случае.

– Да не волнуйтесь вы так. Подготовить экипажи звездолетов не такая уж сложная задача: всего делов-то – пара сеансов углубленной гипнопедии. Короче говоря, завтра с утра я лично займусь данной проблемой. Впрочем, у меня есть одна великолепная идея, вполне возможно, нам даже экипажи готовить не придется. Но всем этим я займусь завтра, а сегодня, милостивый государь, если позволите, я окунусь с головой в ваш чудный Интернет. Кстати, для согласования взаимных действий и выполнения деликатных операций нам с вами было бы неплохо иметь под рукой парочку надежных, хорошо подготовленных парней из вашего ближайшего окружения.

– Есть у меня на примете двое ребят. Самое главное, они пока что не засвечены и агенты Архонта не подозревают об их существовании, – немного поразмыслив, выдал Князь.

Засим землянин и иномирянин покинули беседку и неспешным шагом направились в сторону жилого комплекса княжеской резиденции.

Глава 3

Когда я находился где-то в районе Апрелевки, со мной связался Митрофаныч. Судя по более выраженной, чем обычно, хрипотце, он был чем-то здорово озабочен:

– Привет, герой! Ну, как ты там?

– Все в порядке, Учитель.

– Ну-ну, уже наслышан о твоих подвигах. – Учитель не удержался от легкой язвинки: – Спалил, значит, храм культуры районного значения, все у него в порядке. А невосполнимая потеря всяких там художественных ценностей? Куда теперь тамошние бомжи станут зимой забегать погреться и чарку пропустить?

– Все шутите, Учитель, – обиженно ответил я. – А насчет пожара, моей вины нет, можете у ребят из ОСО спросить. Главная Тварь пыталась ускользнуть, нам и пришлось применить кое-какие меры, чтобы воспрепятствовать этому. Честно говоря, заранее не сообразили, что наложение заклинаний способно вызвать столь мощную резонансную волну.

– Ладно, – наконец сжалился Аполлинарий Митрофанович, – не бери в голову – это я так, по-стариковски ворчу. Дела, понимаешь, навалились, подустал малость. Ты сейчас, выюнош, где находишься?

– На двадцать восьмом километре Киевского шоссе.

– Ага, значит, через полчаса подъедешь, – не спрашивал, констатировал Учитель.

– Думаю, да.

– Устал?

– Есть немного, – я не стал корчить из себя супермена.

– В таком случае можешь сегодня на глаза мне не показываться, – смиловился Митрофаныч. – Завтра напишешь подробный отчет о проведенной операции, а заодно получишь новое задание.

– Надеюсь, в какой-нибудь Парагвай лететь не придется? – попытался пошутить я.

Но Учителю было не до веселья.

– Полетишь куда прикажут! – грубо отрезал он. – А коль прикажут ползти, поползешь как миленький! – И на этом прервал связь.

Я не обиделся на резкость своего гуру. Во-первых, он был определенно чем-то сильно озабочен, а быть может, встревожен. Во-вторых, Митрофаныч был человеком хоть и добрым, но старой закалки, ибо родился в эпоху унижительного крепостничества и жесточайшей рекрутчины, поэтому и старался держать ученика, что называется, в черном теле.

Я уже мысленно планировал, на что потрачу свободный вечер, как мой мобильный телефон вновь ожил. На этот раз со мной жаждал пообщаться Андрей Шатун.

– Привет, Аристарх! Ты где?

– Привет, Николаич! Подъезжаю к Москве.

– Свободен?

– Как славный птах, соловей российский.

– В таком случае дуй прямиком ко мне! – не терпящим возражения тоном заявил он. – У меня тут один человечек. Ты здорово удивишься... Да, вот еще чего: по дороге заскочи куда-нибудь и вискариком затарься, пиво в горло уже не лезет, а заодно пожрать прихвати.

– Сколько брать? – спросил я.

Андрюха ответил в присущей ему шутиливой манере:

– Чем больше, тем лучше. Сам знаешь, выпивки много не бывает...

Минут через сорок я въезжал во двор расположенного на Тверском бульваре девятиэтажного дома, построенного в стиле сталинского неоклассицизма то ли немецкими военнопленными, то ли бывшими соратниками Лейбы Давидовича Бронштейна и Алфельбаума

Овсея Ароновича⁵, коих советская власть отвадила от пустопорожней болтовни и вручила в руки кайло, лопату, тачку, мастерок каменщика и прочих незамысловатый строительный инструмент.

Время близилось к вечеру, народ в большинстве своем вернулся домой, и, как следствие, свободных мест на стоянке во дворе дома не оказалось. На мое счастье, из здания вышел какой-то мужик, погрузился в «Лендровер» и куда-то поспешно упылил, в противном случае пришлось бы искать место для парковки в соседнем дворе или вовсе на проезжей части.

Я без звонка и стука повернул дверную ручку вниз и дернул на себя. Квартира моего друга Андрея Шатуна, как обычно, оказалась незапертой. В прихожей сумрачно, по носу шибануло запахом пива и табачного дыма. Несомненно, народ уже основательно «размялся» пивком перед решительной схваткой с Его Величеством Зеленым Змием, в полном соответствии с излюбленной поговоркой хозяина квартиры: «Пиво на вино – говно, вино на пиво – диво».

До моего прихода в гостиную шел, несомненно, весьма интересный бурный разговор, а может быть, даже спор, однако мое явление не осталось незамеченным и положило конец дебатам. А вскоре в прихожей возник и сам Шатун Андрей Николаевич, бывший десантник, бывший «афганец», бывший калека, бывший бомж и еще много чего бывшего. Впрочем, насчет «бывшего десантника» я слегка погорячился, ибо, по компетентным заверениям моего друга, десантники бывшими не бывают. Теперь это вполне здоровый и весьма респектабельный мужчина, единственным недостатком которого, на мой взгляд, является неумное употребление отвратительных на вкус и запах папирос. Я уже ему и трубку в комплекте с виргинским табаком дарил, и сигары – настоящую «Гавану», и «Мальборо» подсовывал, а он как заладит: «Лучше «Беломора», Аристарх, ничего нет» – и хрена с два ты его переубедишь. Вообще-то сам я не курю, но вполне терпимо отношусь к запаху хорошего табака, но только не того суррогата, из которого отечественные производители изготавливают «Беломорканал».

– Молодец, что приехал! – обрадованно воскликнул радушный хозяин, крепко обнимая меня своими сильными лапищами. Затем выхватил из моих рук два объемистых и весьма увесистых пакета с выпивкой и закусью. – Проходи! Чего застыл в дверях? – и потопал обратно в гостиную.

Поскольку домашних тапочек и прочей мещанской атрибутики в жилище моего друга никогда не водилось, я как был в уличной обуви, так и проследовал за ним.

Несмотря на широко распахнутое окно, в комнате было изрядно накурено. За столом спиной ко входу сидел какой-то молодой мужчина. Со спины, вроде бы я с ним знаком не был, Впрочем, кто его знает.

Андрей остановился у стола, заставленного пустыми банками из-под пива, бренными останками употребленной в процессе питья вяленой рыбы, хитиновыми панцирями съеденных креветок и прочим мусором, и с хитрецей во взгляде уставился на меня. Затем с видом фокусника громко произнес:

– Але-е-е... опа! – И сидящий за столом как по команде (впрочем, почему «как»?) повернулся ко мне лицом.

Господи милосердный! Я едва не вскрикнул от удивления. Вне всякого сомнения, этого человека я уже видел перед поездкой в далекую Колумбию. Мало того, эту наглую физиономию я также имел сомнительное удовольствие наблюдать в процессе многочисленных просмотров видеоматериалов, снятых во время провальной операции в гостинице «Арбат». Да, да, если не ошибаюсь, передо мной сидел тот самый Ивэн Вериск, коему с необычайной

---

⁵ Л. Д. Троцкий и Г. Е. Зиновьев.

легкостью удалось выскользнуть из оцепленного здания, после чего скрыться в неизвестном направлении, точнее удрать в свое загадочное Межмирье, из которого, собственно, он и попал на Землю.

Чтобы отогнать навязчивый морок, я зажмурил глаза и энергично помотал головой, чем вызвал задорный смех обоих присутствующих в комнате мужчин. Открыл глаза, видение не растаяло – в трех шагах от меня продолжала маячить физиономия пришлеца.

– Не трудись, Аристарх, – давясь приступами безудержного хохота, произнес Андрей, – Ивэн такая же объективная реальность, как мы с тобой, мой разлюбленный друг. Все, парни, нечего пялиться друг на друга, лучше познакомьтесь.

– Ивэн Вериск, в некотором роде искусствовед и ценитель, – первым представился иномирянин и протянул руку для рукопожатия.

– Аристарх Савушкин, – отклонялся я, и мы пожали друг другу руки.

– Вот и славно, парни! – засуетился довольный Андрей и принялся наводить порядок на изрядно загаженном столе.

Собственно, наведением порядка то, что он сделал, назвать можно было лишь с великой натяжкой. Он собрал расстеленную на столе скатерку вместе со всем, что на ней находилось, и ненадолго отлучился из квартиры. Вскоре через распахнутую настежь входную дверь послышался характерный звук бьющихся о стенки мусоропровода пивных банок. А еще через десяток минут стол вновь был застелен чистой скатертью и сервирован хоть и без особых изысков, но вполне приемлемо.

– И этот человек, – я кивнул головой в сторону суетящегося у стола товарища, – еще полгода назад добывал пропитание сбором стеклотары и цветмета. А теперь с удивительной расточительностью отправляет в мусоропровод абсолютно новые скатерки и горы ценного алюминия.

– За что боролись? – беззлобно огрызнулся бывший бомж. – Теперь и я могу себе позволить обеспечить заработком какого-нибудь своего бывшего коллегу, и не одного.

– Это вряд ли, Андрей, – поддержал наш разговор Ивэн, – местные бродяги, иже с ними всякое жулье, в отличие от вашей провинции, предпочитают кланчить милостыню в подземных переходах и метро. Причем все они классные психологи и мастера дурить головы доверчивым обывателям. Еду недавно в подземке, вдруг в вагон заходит удивительно красивая барышня с табличкой на груди, мол, некая, не могу обеспечить себя материально, подайте Христа ради кто сколько может. Ну, конечно же, мужики тут и сомлели разом, потянулись за кошельками и отсыпали девчонке изрядную сумму. На следующей остановке девушка перешла в другой вагон, а вместо нее нарисовался совсем еще молодой парнишка, также типа ущербный. Только на сей раз не немой, а страдающий каким-то нервным заболеванием. Короче, колбасит парня, плющит и таращит так, словно в задницу ему вставили высоковольтный электрический провод под напряжением. На шее, как положено, табличка, мол, с детства страдаю падучей болезнью, мать с отцом отказались, государству на меня наплевать, помогите кто чем может. Вот тут-то за кошельками полезли бабульки, деды, сердобольные мамаша. Короче, до следующей остановки пацану также перепало изрядное количество благодати. А суть в том, что потом мне повезло заприметить эту парочку. Они поднимались на соседнем эскалаторе к выходу из метро, при этом девица без умолку что-то там щебетала, а парня уже не колбасило, и вообще выглядел он вполне здоровым человеком. Ох и заело меня!

– Ну и что ты с ними сделал? – поинтересовался Шатун.

– В общем, ничего особенного, – заулыбался Ивэн. – Девчонку лишил дара речи, а организм парня ввел в такой разнос, что его начало плющить, колбасить и таращить на самом деле.

– И не жалко ребят? – едва сдерживая смех, спросил Андрей.

– Да ничего с ними не случится такого особенного – с недельку помаются и оклемаются, если, конечно, хватит ума не обращаться к вашим врачам.

За то время, пока иномирнин делился своими впечатлениями о местном житье-бытье, хозяин квартиры «скрутил голову» литровой «White Horse» и начал разливать виски в специальные стаканы с толстым дном. Затем провозгласил тост:

– Ну, давайте, парни, за знакомство!

Дружно выпили. Я по русскому обычаю хрустнул соленым огурцом, Шатун занюхал хлебом, а заморский гость бросил в рот горсточку арахиса. Ужасно подмывало задать присутствующим пару-другую волнующих меня вопросов, но я проявил выдержку – все равно объяснят, что тут происходит и откуда на наши головы свалился неуловимый иномирнин.

Выпили еще по одной за мир и дружбу между народами Межмирья и землянами. Затем еще – за тех, кого с нами нет. Верховодил на правах хозяина Андрей. После третьей какое-то время все были увлечены уничтожением принесенных мной деликатесов. Затем Андрей Николаевич закурил папиросу и, наконец, окинув меня отеческим взглядом, констатировал:

– Выглядишь неплохо, брат, а Митрофаныч говорил, что ты за кем-то там охотишься. Ну и как, успешно?

Вот же сядюга, вместо того чтобы рассказать про гостя, заинтересованность изображает. Однако я ничем не выдал своего недовольства и ответил на поставленный вопрос:

– В общем, все прошло нормально. Разорили очередное гнездо диких. Шесть Тварей захватили живьем. Правда, главного пришлось ликвидировать, иначе бы смылся...

– Так, Аристарх, не трынди! – остановил меня хозяин. – Я тут у вас человек новый, Ивэн также вряд ли в курсе наших земных разборок. Так что излагай с чувством, толком, расстановкой и со всеми необходимыми акцентами.

– Дотошный ты, Андрюха. – После той памятной операции в Колумбии наши отношения с суровым «афганцем» вышли на новый, более доверительный уровень. – Хорошо, начну сначала и, как ты говоришь, «с чувством и акцентами». Короче, помимо официального чародейского сообщества, в разных концах Земли время от времени появляются группировки так называемых диких магов. Иногда причиной появления таковых является самопроизвольная, иначе говоря, спонтанная инициация, как например, в твоем случае, Андрей...

– Дубиной по репе, да со всего размаха, ничего себе самопроизвольная! – громко воскликнул Шатун. – Что за поветрие такое: в бейсбол не играем, а по количеству бит на душу населения мы впереди планеты всей!

– Я в том смысле, что тобой персонально не занимались профессионалы, – одарив друга сочувственным взглядом, пояснил я. История о приключениях Андрея в бытность его бездомным бродягой была мне хорошо известна. Заморский гость, по всей видимости, также был в курсе. – Оно ведь бывает не только «дубиной по репе». Спонтанная инициация может произойти в результате, например, удара молнии, внезапного нервного стресса или вовсе просто так, по необъяснимым с точки зрения банальной логики причинам. Тебе повезло, сразу после выхода из латентного состояния ты очутился вблизи достаточно мощного источника Силы. К тому же ты оказался способным усваивать жалкие крохи быющего из земных недр потока. В противном случае ты вольно или невольно занялся бы поисками альтернативных источников энергии, и в конце концов методом ненаучного тыка ты бы осознал, что проще всего отбирать жизненную силу у мирных граждан. Именно так чаще всего появляются на Земле дикие маги, по своей сути энергетические вампиры, коих мы именуем Тварями и ведем на них беспощадную охоту, поскольку рано или поздно каждая Тварь срывется с катушек и начинает бесконтрольный отбор жизненной энергии у незащитных людей. Внешне все выглядит как банальный инфаркт или инсульт. Вроде бы придраться особенно не к чему. Поэтому в нашем ведении существует специальная служба мониторинга, и как только в каком-нибудь месте количество подобных смертей начинает превышать среднестатистический уровень, мы немедленно принимаем меры.

тистический уровень, туда немедленно выезжает опытный специалист для проведения следственных мероприятий.

– И как вы с ними поступаете в случае поимки? – поинтересовался Ивэн.

К нему присоединился хозяин:

– Да, да, что вы с ними делаете после захвата, Аристарх? Они же вроде как не виноваты в том, что стали магами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.